

Одна маленькая вещь

Автор:

Эрин Уатт

Одна маленькая вещь

Эрин Уатт

TrendLove

Все, чего хочет Бэт – избавиться от гиперопеки со стороны родителей, которые буквально помешались на контроле после того, как погибла Рейчел, ее старшая сестра. Поэтому когда девушка тайком ускользает на запретную вечеринку и встречает там синеглазого парня по имени Чейз, она не раздумывая заводит с ним близкое знакомство. Только Бэт не догадывается, чем обернется для нее эта, казалось бы, незначительная встреча...

Чейз только что вернулся в город, где на каждом углу его поджидают демоны прошлого. И теперь ему придется заново пережить то, что произошло несколько лет назад, в ту ночь, когда погибла Рейчел.

Запретный роман в последний учебный год – то, о чем они меньше всего мечтают. Теперь перед Бэт и Чейзом стоит непростой выбор: пойти наперекор общественному мнению или возненавидеть друг друга, поддавшись обстоятельствам.

Эрин Уатт

Одна маленькая вещь

Erin Watt

One Small Thing

Copyright

© 2018 by Timeout LLC

© Н. Болдырева, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

1

– Привет, щеночек, – смеюсь я, заметив, как Морган, пес миссис Ренник, мчится через лужайку и прыгает на мои штаны цвета хаки.

– Морган, ко мне, – с досадой кричит миссис Ренник. – Прошу прощения, Лиззи, – говорит она, бросаясь оттаскивать от меня большого черного пса, впрочем, без особого успеха. Она маленькая, а он такой большой, что они почти одного размера.

– Не стоит беспокоиться, миссис Эр. Я люблю Моргана. – Я присаживаюсь на корточки и чешу большого пса за ушами. Он радостно тявкает и слюнявит мне щеку. – И теперь меня зовут Бэт, – напоминаю я соседке. – Мне уже семнадцать, и Лиззи – имя, которое я хочу забыть. К сожалению, кажется, никто не утруждается запомнить это.

– Точно. Ну, значит, Бэт, не поощряй его, – ругается она, дергая пса за ошейник.

Я еще немного чешу его за ушами, прежде чем отпустить.

– Твоя мама сильно расстроится, – волнуется миссис Эр.

Я опускаю взгляд на свою белую блузку, которая в добавление к уже поставленным на работе пятнам от еды теперь покрыта слоем собачьей шерсти.

– Ее все равно нужно было стирать.

– И все же скажи маме, что я извиняюсь. – Она оттаскивает Моргана за ошейник. – Обещаю лучше присматривать за ним.

– Необязательно, – говорю я. – Мне нравится общаться с Морганом. Это стоит выговора. Кроме того, больше нет причин, по которым мы не могли бы завести домашнее животное. – Я выпячиваю подбородок. Предлог, по которому в нашем доме не было животных, отсутствует уже три года, хотя моим родителям не нравится признавать этот факт.

Миссис Эр замолкает на секунду: не могу понять, сдерживает ли она грубые слова по поводу моей черствости или из-за строгости моей мамы. Поэтому не решаюсь продолжать эту тему.

– Уверена, у нее есть причины, – наконец отвечает миссис Эр и машет мне на прощание рукой. Она не хочет вмешиваться. Хорошая позиция. Я бы тоже так поступила.

Морган и миссис Эр исчезают в своем гараже. Я поворачиваюсь и, прищурившись, смотрю на свой дом, желая оказаться где угодно, только не здесь.

Затем проверяю телефон: никаких сообщений от моей лучшей подруги Скарлетт. Утром мы договорились пойти погулять после моей смены в «Магазинчике мороженого». Занятия в школе начинаются с понедельника. Для Скарлетт это означает, что веселое лето закончилось. Для меня – что я на день ближе к истинной свободе.

Я кручу головой, пытаюсь снять напряжение, которое всегда появляется, когда смотрю на собственный дом. Тяжело выдыхаю и приказываю ногам идти вперед.

В прихожую просачивается Bad Blood Тейлор Свифт. Мамин плей-лист навеки остался в 2015-м, с его Сэмом Смитом, Фарреллом и One Direction, когда в их

составе еще было пять человек. Я скидываю уродливые черные рабочие туфли и бросаю сумочку на скамейку.

– Это ты, Лиззи?

Она умрет, назвав меня Бэт?! Хотя бы раз.

Я скрежещу зубами.

– Да, мама.

– Прошу, уберись в своем шкафчике. Там беспорядок.

Бросаю взгляд на свою часть шкафа в прихожей. Там не такой уж беспорядок: на крючках висит пара курток, на полке – стопка тех книг Сары Джей Маас, что я перечитываю в восемнадцатый раз, упаковка мятных конфет, дезодорант, который Скарлетт купила мне на последней распродаже в Victoria's Secret, и несколько случайных школьных принадлежностей.

подавив вздох, складываю все на книги Маас и выхожу в кухню.

– Ты убралась там? – спрашивает мама, не утруждаясь поднять взгляд от морковки, которую шинкует.

– Да. – Выглядит неаппетитно, но такой вид для меня после работы имеет любая еда.

Я наливаю себе стакан воды.

– Да, мама, я убралась.

Видимо, мои слова звучат неубедительно, потому что она откладывает нож и идет в прихожую. Через две секунды я слышу:

– Лиззи, я думала, ты сказала, что убралась тут.

Р-р-р. Я со стуком ставлю стакан и иду к ней.

– Убралась! – восклицаю я, указывая на аккуратно расставленные на книгах вещи.

– А как насчет этого?

Я слежу за ее пальцем, указывающим на сумку-почтальон, висящую на крючке в соседней секции.

– Что не так?

– Твоя сумка – в секции Рейчел, – отвечает она. – Ты знаешь, ей это не нравилось.

– И что?

– Что? Сними ее оттуда!

– Почему?

– Почему? – Ее лицо каменеет, а глаза блестят. – Ты знаешь, почему! Сними ее немедленно!

– Я... а знаешь, хорошо. – Я тянусь за сумкой и гневно бросаю ее в свою часть шкафа. – Вот, довольна?

Мама поджимает губы. Она сдерживает какой-то язвительный комментарий, но я могу достаточно ясно прочесть в ее глазах злость.

– Тебе следовало сперва подумать, – произносит она, прежде чем вернуться на кухню. – И убери эту собачью шерсть. В нашем доме не место животным.

Яростный ответ вертится на языке, застревает в горле и заполняет голову. Мне приходится стиснуть зубы так сильно, что сводит челюсти. Если бы я не сделала этого, слова вырвались бы, плохие слова, те, которые выставили бы меня безразличной, эгоистичной и завистливой.

Может быть, я такая и есть? Возможно. Но я все еще жива, разве это ничего не значит?

Боже, не могу дождаться окончания школы, того дня, когда покину этот дом и когда освобожусь из этой дурацкой, ужасной, гребаной тюрьмы.

Слезы каплют на блузку. Пуговица отлетает и падает на плитку пола. Я ругаюсь про себя. Мне придется упрашивать маму пришить ее сегодня, потому что у меня есть только одна рабочая блузка. Но к черту все это. Кому какое дело? Кого беспокоит, есть ли у меня чистая блузка? Покупатели в «Магазинчике мороженого» как-нибудь переживут, если несколько шерстинок или пятно шоколадной подливки та-а-ак уж оскорбительны для них.

Я сдираю с себя грязную блузку и сую ее в раковину, для комплекта снимаю еще и штаны. Прохожу по кухне в одном белье.

Мама издает полный отвращения гортанный звук.

Когда я уже собираюсь подняться по лестнице, мой взгляд привлекает пачка белых конвертов. Почерк кажется знакомым.

– Что это? – с тревогой спрашиваю я.

– Твои заявления в колледж, – отвечает она безразличным тоном.

Ужас пронизывает меня, когда я смотрю на конверты, на почерк и адрес отправителя. Что они делают тут? Я мчусь к ним и начинаю перебирать. Университет Южной Калифорнии, Университет Майами, Университет Сан-Диего, Университет Бетун-Кукман.

Плотину, сдерживавшую мои эмоции до этой минуты, прорывает.

Хлопая ладонью по стопке конвертов, я требовательно спрашиваю:

– Почему они тут? Я кинула их в почтовый ящик.

– А я вытащила, – отвечает мама, все еще сосредоточенно глядя на морковь перед собой.

– Почему ты это сделала? – Я чувствую, что готова разрыдаться. Так случается всякий раз, когда я зла или расстроена.

– А зачем ты подаешь их? Ты туда не поступишь. – Она тянется за луком.

Я кладу руку ей на запястье.

– Что ты хочешь сказать своим «ты туда не поступишь»?

Она вырывает руку и бросает на меня надменный, холодный взгляд.

– Мы платим за твою учебу в школе. Это значит, что ты поступишь туда, куда мы скажем: в колледж Дарлинга. И тебе не надо рассылать заявки. Мы уже заполнили заявление от твоего имени. Тебя примут в октябре или около того.

Колледж Дарлинга – один из интернет-колледжей, где платят за степень. Это не настоящий колледж. Никто не принимает его диплом всерьез. Когда летом они сказали, что хотят, чтобы я училась там, я подумала: это шутка.

Я чуть не открыла рот от удивления.

– Дарлинг? Это даже не настоящий колледж. Это...

Она взмахивает ножом.

– Разговор окончен, Элизабет.

– Но...

– Разговор окончен, Элизабет, – повторяет она. – Мы делаем это для твоего же блага.

Я пялюсь на нее в недоумении.

– Оставить меня тут, чтоб я училась в этом колледже, – для моего же блага? Дипломы Дарлинга не стоят даже бумаги, на которой они напечатаны!

– Тебе не нужен диплом, – говорит мама. – Ты будешь работать в магазине отца. А когда он отойдет от дел, встанешь на его место.

По моей спине бежит холодок. О боже! Они собираются держать меня тут вечно. Они никогда, никогда не отпустят меня.

Мою мечту о свободе погасили, словно пламя свечи.

С губ срываются слова. Я не хотела произносить их, но меня прорывает.

– Она умерла, мама! Она мертва уже три года! И она не вернется домой, если я не буду вешать свою сумку на ее крючок! Не встанет из могилы, если я не заведу собаку! Она мертва! Мертва! – кричу я.

Шлеп.

Я не замечаю ее ладони. Мама ударяет меня по щеке, задевая обручальным кольцом мои губы. Я настолько удивлена, что замолкаю, и, конечно, именно этого она и добивалась. Мы палимся друг на друга, тяжело дыша. Я не выдерживаю и первой выскакиваю из кухни.

Рейчел, может, и мертва, но ее дух в этом доме живее, чем я.

2

– Я не хочу ехать, – твердый тон Скарлетт непоколебим. Мы уже двадцать минут стоим у заправки, споря о наших планах. Подруга не уступает, как и я. Моя щека еще пылает от маминой пощечины.

Девчонки, пригласившие нас на вечеринку, стоят, прислонившись к черному джипу без крыши, раздраженно морща сильно накрашенные лица.

Темноволосый парень на водительском сиденье смотрит с нетерпением. Удивительно, что они ждут нас, ведь мы незнакомы и приглашение стало результатом короткого разговора у стойки с чипсами: я сказала блондинке, что мне нравится ее блузка.

– Тогда оставайся, – отвечаю я Скарлетт.

Она с благодарностью смотрит на меня своими карими глазами.

– О, ладно, хорошо. Значит, мы не едем?

– Нет, ты не едешь. – Я вскидываю голову. – Я еду.

– Лиззи...

– Бэт, – резко обрываю я.

От меня не ускользает раздражение в ее взгляде.

– Бэт, – исправляется она, растягивая один слог так, как будто ей некомфортно его произносить.

Как и родители, лучшая подруга с трудом привыкает к моему новому имени. Скарлетт вовсе не считает имя Лиззи детским. «Более по-детски вдруг начать называть себя по-новому после того, как всю жизнь была Лиззи!» – ответила она, когда в начале лета я объявила, что отныне меня зовут Бэт. Конечно же, она так считает, ведь у нее крутое имя. Кому взбретет в голову менять его?

– Ты даже не знаешь этих девчонок, – подчеркивает Скарлетт.

Я снова пожимаю плечами.

– Познакомлюсь.

– Бэт, – жалостливо произносит она, – прошу.

– Пожалуйста, Скар, – отвечаю я не менее жалостливо. – Мне это нужно. После того, что случилось сегодня, мне просто необходимо развлечься, провести сумасшедшую ночь и ни о чем не думать.

Выражение ее лица становится мягче. Она знает все о пощечине и предательстве с колледжем: это было единственное, о чем я могла говорить, когда пришла к ней вечером домой. Думаю, она устала слушать все это и поэтому предложила выйти и покататься по округе.

– Я правда не хочу ехать, – признается она. – Но и не хочу, чтобы ты ехала одна.

– Со мной все будет в порядке, – обещаю я, – заеду на пару часов, осмотрюсь там, а потом вернусь обратно к тебе. Так что мы сможем сидеть допоздна и есть мороженое.

Она закатывает глаза.

– Все мороженое – твое. Я на жесткой диете до понедельника. Мне нужно выглядеть хорошо в первый день учебы в выпускном классе.

Громкий гудок раздается со стороны ожидающего джипа.

– Йоу! Давайте уже! – кричит водитель.

– Увидимся, Скар, – быстро говорю я, – оставь для меня открытой заднюю дверь, ладно? – и устремляюсь к джипу раньше, чем она успевает возразить.

– Еду, – кричу я девчонкам. Если не сделаю что-то, выходящее за очерченные родителями рамки, то просто взорвусь. От меня останутся одни ошметки. Именно так я себя сейчас и чувствую: развалиной, кое-как, наскоро склеенной моими родителями.

– Наконец-то, – бормочет одна из них, а другая надувает ярко-розовый пузырь жвачки.

– Бэт! – зовет Скарлетт.

Я оглядываюсь.

– Ты передумала?

Она качает головой.

– Просто будь осторожна.

– Буду. – Я забираюсь на заднее сиденье рядом с блондинкой. Ее подруга прыгает на пассажирское место впереди и что-то шепчет водителю. Я перевешиваюсь через край двери, чтобы снова крикнуть Скарлетт:

– Если мои родители позвонят, скажи им, что я сплю. Вернусь через несколько часов. Обещаю.

Я посылаю ей воздушный поцелуй, и после секундной заминки она делает вид, будто ловит его ладонью и припечатывает к щеке. Затем подруга направляется к своей машине, а парень за рулем джипа заводит мотор, и мы срываемся с парковки.

Ветер подхватывает и треплет мои волосы, а я пересчитываю все грехи, которые только что совершила.

Приняла приглашение на вечеринку от ребят, которых не знаю.

Еду в соседний город, вовсе не похожий на мой: красивый и безопасный, с аккуратными заборчиками и яблонями.

Села в машину к незнакомцам. Вероятно, самый тяжкий грех. Родители отправят меня в монастырь, если узнают об этом.

Но знаете что?

Мне, мать вашу, плевать.

Они уже объявили, что я должна поступить в колледж рядом с домом. Теперь у нас война.

Чувствую себя в ловушке. Моя жизнь подчинена их правилам и их паранойе. Мне семнадцать. Предполагается, что я должна с радостью ждать окончания школы; должна быть окружена друзьями и милыми парнями, которые жаждут со мной встречаться; должна наслаждаться этим временем. Говорят, что после школы жизнь становится сложнее, и это ужасно угнетает. Если сейчас лучшие годы моей жизни, то какой же дрянной она станет после?

– Как тебя зовут? – спрашивает блондинка.

– Бэт. А тебя?

– Эшли, но можешь звать меня Эш. – Она указывает на передние сиденья. – Это Кайла и Макс. Мы первогодки старшей школы Лексингтона.

– А я перехожу в выпускной класс в Дарлинге, – отвечаю я.

Ее покрашенный красной помадой рот искривляется в легкой ухмылке.

– Понятно, ты дорогая штучка.

Я ощетиливаюсь в ответ.

– Не все в Дарлинге богачи, знаешь ли.

Это правда. Моя семья точно не такая богатая, как другие в нашем городке, хотя в нем для среднего класса тихо и безопасно.

Вечеринка, на которую мы едем, состоится в Верхнем Лексингтоне, или Лексе, как называют его местные. Это рабочий район с маленькими домами, небогатым населением и шумными детьми. Хотя и в Дарлинге, и в Лексе найдутся те, кто предложит вам что-нибудь запрещенное. Родители с ума сойдут, если узнают, что я была тут. У Скарлетт чуть не началась истерика, когда нам пришлось остановиться на заправке в Лексингтоне.

– Так что ты делаешь в Лексе в субботу вечером? – поворачивается с переднего сиденья Кайла. – Ищешь, на какую бы вечеринку попроситься?

Я пожимаю плечами.

– Просто хочу хорошо провести время, прежде чем начнется учеба.

Макс громко ухает.

– Вот это по-нашему! Как, ты говоришь, тебя зовут, любительница хорошо провести время?

– Бэт, – повторяю я.

– Бэт, – он одной рукой держит руль, а вторую протягивает мне. – Дай мне немного сахарку, Бэти. Время начать развлекаться.

Я неловко хлопаю его по ладони и выдавливаю из себя улыбку. Меня накрывает чувство вины, что бросила Скарлетт, но я подавляю его и забываю об этом окончательно. В конце концов, Скарлетт смирилась с тем, что я еду туда. Хотя, мне кажется, она не вполне понимает, почему я так хотела там оказаться. У Скар клевые родители. Они не напряженные и веселые и дают ей столько свободы, что она даже не знает, куда ее девать.

Я все понимаю: мои родители потеряли дочь, я – сестру. Мы любили Рейчел и тоскуем по ней. Я – больше всех. Но то, что произошло с моей сестрой, было просто несчастным случаем. И его виновник наказан. О чем еще можно просить? Рейчел уже не вернуть. Правосудие свершилось, если можно так сказать. А я все еще здесь и хочу жить полноценной жизнью. Разве это плохо?

– Мы на месте! – объявляет Эшли.

Макс паркуется через дорогу от небольшого дома, обшитого белой вагонкой. На заросшем газоне полно подростков. Пивные бутылки передаются по кругу, в открытую, как будто никому нет дела до патрулирующих полицейских машин.

– Чей это дом? – спрашиваю я.

– Парня по имени Джек, – отвечает Эш равнодушным тоном. Она слишком занята: приветствует каких-то девушек на поляне.

– Его родители дома?

Кайла фыркает.

– Хм, нет.

Тогда ладно.

Мы выбираемся из джипа и пробираемся сквозь толпу к входной двери. Кайла и Макс исчезают, как только оказываемся в доме. Эшли держится рядом со мной.

– Давай возьмем выпить! – кричит она.

Я едва слышу ее сквозь оглушающие звуки хип-хопа, что сотрясают стены. Дом забит людьми, в воздухе пахнет смесью духов, дезодорантов, пота и несвежего пива. Не совсем то, к чему я привыкла, но выбирать не приходится. Ребята выглядят достаточно дружелюбно. Я ожидала драки, в которой противники голыми кулаками выколачивают друг из друга дух, но внутри все просто танцуют, пьют и очень громко разговаривают друг с другом.

Эш тянет меня в маленькую кухню с покрытыми клеенкой столами и древними обоями. Полдюжины парней столпились у открытой задней двери и что-то курят.

– Харли! – радостно вскрикивает Эш и обнимает одного из парней. – Боже! Когда ты вернулся?

Высокий парень отрывает ее от пола и смачно целует прямо в губы. Мне кажется, он не в себе, потому что взгляд у него совершенно отсутствующий. Я неловко прислоняюсь к столу и делаю вид, что я из их компании. «Это то, чего ты хотела», – убеждаю себя. Чумовая вечеринка, которая сведет с ума родителей.

– Поздно ночью, – говорит он. – Мы остановились поужинать в Чикаго и рванули сюда. Маркус решил: лучше уж ехать всю ночь, чем платить за мотель.

– Ты должен был сразу же позвонить мне утром, – хнычет Эш.

Парень обнимает ее рукой за плечи. Они встречаются? Она еще не познакомилась с ним, так что я понятия не имею, кто он.

– Да я встал только час назад, – со смехом отвечает Харли. – Иначе бы позвонил. – Парень щурится. – Ты уже видела Ламара?

– Нет и не планирую.

– Тоня говорит, что видела его с Келли на игре прошлой ночью.

– Повезло Келли. Не могу дождаться, когда Ламар бросит ее жирную задницу так же, как это сделал Алекс.

Харли. Маркус. Тоня. Келли. Ламар. Алекс. Кто все эти люди? Я стою возле стола, чувствуя себя очень неудобно, пока Эшли и ее предполагаемый парень обмениваются новостями.

Оглядываю кухню: Эш и Харли все еще обсуждают своих друзей. Мне это неинтересно. Надоело, что меня постоянно контролируют. Три последних года я делала все, что мне говорили: выбирала курсы, которые мне рекомендовали, устроилась на работу, которую подыскивали родители. И что получила взамен? Еще четыре года к моему приговору. Дверь камеры захлопнулась раньше, чем я успела выйти наружу.

Бросаю взгляд на упаковку с пивом. Могу взять себе выпивку, но это слишком просто. Могу покурить, но это чересчур опасно. Мне нужно выбрать что-то среднее, отчего я почувствовала бы себя хорошо, а родители разозлились бы.

Оживленное движение привлекает мое внимание. Я оборачиваюсь и вижу очень симпатичного парня, прислонившегося к косяку в дверном проеме. У него самые синие глаза, какие я только видела: невероятные. Над левой бровью – отметина, похожая на шрам или на результат неудачной коррекции. Но он непохож на тех

парней, что выщипывают себе брови. Подбородок незнакомца покрыт темно-русой щетиной, поэтому он выглядит старше остальных присутствующих. У парней на кухне, включая Харли, на лице нет никакой растительности. Они не такие высокие, как Синеглазый, не такие накачанные и не такие привлекательные.

Вот что мне нужно: очень плохой мальчишка, который поведет меня по кривой дорожке.

Меня пронзает ощущение собственной власти: это взбесит родителей сильнее всего. Все подростки напиваются, но переспать со случайным незнакомцем – это выведет мою правильную мать из себя.

Ликуя, я мысленно потираю руки и начинаю строить планы. Он не смотрит ни на меня, ни на кого-то другого. Между ним и остальными чувствуется дистанция, как будто они боятся подходить к нему. У него аура крутого и уверенного в себе человека. Как раз этого мне не хватает.

Я смотрю на свои рваные узкие джинсы и желтый короткий топ, чтобы убедиться, что все молнии застегнуты, а грудь достаточно прикрыта. Пусть я не самая сексуальная девушка тут, но он – один и я – тоже.

Кроме того, если он откажет, кому какое дело? Я его больше не увижу. Смысл сегодняшнего вечера в том, чтобы делать то, чего никогда не делала. Хочу почувствовать вкус настоящей жизни.

– Это твоя подруга?

Я вздрагиваю от голоса Харли. Он наконец заметил меня.

– Привет, – говорю я, отрывая взгляд от Синеглазого, и улыбаюсь Харли: – Я Бэт.

– Харли. – Он отпускает Эшли и идет ко мне. Кажется, Харли у нас – любитель обнимашек. – Приятно познакомиться. Покурим?

– Может, чуть позже? – неуверенно спрашиваю я, надеясь, что он не заметит моего смущения и не поймет, что я никогда ничего подобного не делала.

– Да, давай оставим это на потом, – поддерживает Эш, к моему большому облегчению. – Потанцуем? – Она подходит ко мне с другой стороны и берет меня под руку.

Потанцуем? Я бросаю украдкой взгляд на дверь и вижу, что Синеглазый ушел. Меня охватывает разочарование. Любопытно, куда он исчез? Может, тоже отправился на танцпол?... Хм, нет. Он непохож на парня, который будет «трясти задницей» под хип-хоп: слишком крутой для этого. Большинство парней не танцует. Они считают, что это не для них.

– Давай, – говорит Эш, повисая на моей руке.

Я отбрасываю мысли о Синеглазом: сначала мы с Эшли потанцуем, а потом пойду его искать. Новая подруга затаскивает меня в гостиную, где музыка звучит громче, а воздух раскален. Я начинаю потеть, но вокруг все такие. Эш толкает меня задницей в бедро, мы смеемся и взъерошиваем руками волосы, полностью отдаваясь танцу.

Вот чего я хотела сегодня: веселиться, чувствовать себя юной и не думать о том, что моя жизнь – сплошное разочарование. Вернее, у меня нет жизни. Мне нельзя ходить на вечеринки, а только домой к друзьям, и то если их родители дома. Сегодняшняя поездка была серьезным нарушением запретов. Родители Скарлетт тоже об этом знали: мама и папа предупреждают семьи моих друзей обо всех этих постыдных правилах. Думаю, маме Скарлетт меня жалко. Когда мы уходили, миссис Холмс притворилась, что не слышит нас, – обожаю ее за это.

Мне нравятся музыка, шум и эта комната, полная незнакомцев. Здесь никто не слышал про Рейчел. Никто меня не жалеет. Всем все равно.

Я откидываю волосы на спину и снова толкаю Эш бедром. Но тут же замираю, потому что мельком замечаю Синеглазого.

Это судьба. Нам предназначено было встретиться сегодня.

Он идет к дивану в форме буквы «Г» и наклоняется, говоря что-то коренастому парню в красной футболке. Волосы у него длиннее, чем мне показалось. Они завиваются и спадают на лоб. Цвет очень похож на мой.

Я хватаю Эш за руку.

– Кто это?

– Что? – она пытается перекричать грохот.

– Кто это? – повторяю я громче, наклоняясь к самому ее уху. – Парень у дивана.

Она хмурится.

– Который?

Я оглядываюсь и сдерживаю стон: он снова пропал! Что за черт. Этот парень появляется и исчезает словно ниндзя. На этот раз я не позволю ему ускользнуть.

– Мне нужно пойти пописать, – сообщаю я Эшли.

Она кивает и разворачивается, чтобы продолжить танцевать с кем-то другим. Я пробираюсь сквозь толпу в гостиную. Синеглазый снова стоит, прислонившись к косяку кухонной двери.

Я делаю глубокий вдох и иду вперед: никогда раньше не знакомилась с парнем первой. Это будет катастрофа.

На столе замечаю ряд рюмок. Хватаю одну и опрокидываю ее. Отвратительная жидкость обжигает горло. Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы сдержать кашель. В этот момент мы встречаемся с Синеглазым взглядами.

С отвагой, которой никогда за собой не замечала, я подхватываю еще две рюмки и иду с ними к нему.

– Кажется, тебе не помешает выпить, – говорю я, предлагая ему одну.

Он берет.

– Кажется, это первая выпивка в твоей жизни.

Я так рада, что тут темно и никто не видит, как я краснею.

– Не-а, уже напивалась несколько раз, – вру я.

– Ага, – отвечает он и, поднеся рюмку к губам, осушает ее, потом запихивает в передний карман джинсов. Я в недоумении смотрю на него.

– Ты знаешь, кто я? – спрашивает он.

Я провожу языком по нижней губе, не зная, что сказать: Синеглазый – знаменитость? Не хочется выглядеть лохушкой.

– Конечно, – отвечаю я как можно непринужденнее. – Тут, кажется, все знают.

Тень пробегает по его лицу.

– Да, вероятно. Но ты все же говоришь со мной, предлагаешь мне выпить. – Он щелкает пальцем по моей рюмке.

– Мне просто показалось, что тебе не помешает расслабиться.

Он проводит рукой по лицу. Тень исчезает, но ей на смену приходит недоумение.

– Наверное. Так зачем ты тут? Ищешь приключений?

Последнее сказано с явным презрением. Знаю, что лучше соврать. Если признаюсь, что хочу позлить родителей, он исчезнет, а я совсем не хочу, чтобы это произошло. Не потому, что считаю его идеальным средством мести предкам, а потому что он меня заинтересовал, я хочу узнать его ближе и чтобы он узнал меня.

Не могу озвучить настоящую причину, по которой я здесь. Но могу быть честной в том, зачем подошла к нему, пусть это и нехорошо.

– Разве девушка не может предложить выпить крутому парню? Я пыталась привлечь твое внимание до этого, но ты испарился. Теперь вот увидела тебя

одного и воспользовалась шансом. Если, по-твоему, это приключение, значит, ты не так уж часто ходишь на вечеринки.

Он наклоняет голову.

– Это что, шутка?

– Да. Но не очень хорошая, потому что ты не смеешься. – Я пялюсь на рюмку в своей руке: все пошло гораздо хуже, чем я себе представляла.

Он тяжело вздыхает.

– Нет, это потому, что я не очень умею общаться. Но шутка это или нет, мы оба знаем, что я не так уж часто ходил на вечеринки последних три года.

Понятия не имею, что это значит, но ведь я уже притворилась, будто все о нем знаю, поэтому не могу попросить объяснений.

– Значит ли это, что мне стоит уйти?

– Нет, тебе стоит остаться. – Уголки его губ приподнимаются. – Не буду врать: эта ситуация мне очень льстит.

– Зато мне – не очень, – немного запальчиво признаюсь я.

Его усмешка превращается в улыбку, и у меня от этого перехватывает дыхание.

– Никогда раньше такая красивая девушка, как ты, не говорила мне ничего, кроме «привет».

Я настолько ошарашена, что не могу придумать остроумный ответ.

Он наклоняет голову в замешательстве.

– Слишком банально?

Ко мне возвращается способность говорить.

– Слишком потрясающе. У меня сейчас столько эмоций, что боюсь взорвать ими дом.

– Тогда пойдем отсюда.

– Правда? – поднимаю на него глаза. – Куда?

– Просто выйдем. Мне хочется на улицу.

– Мне – тоже.

Он протягивает руку. Моя ладонь легко проскальзывает в его. Я чувствую его жесткие мозоли. Проходя мимо, мы ставим рюмки на стол. Теперь мне не нужен алкоголь. Я держу за руку самого сексуального парня на планете, и у меня такое чувство, будто парю в воздухе.

Мы пробираемся сквозь толпу. Кто-то пялится на нас. Я вскидываю голову. Да, я с этим крутым парнем.

Снаружи шум тише, людей тут мало. Он ведет меня по дорожке к небольшому сараю.

– Здесь ты прячешь тела? – шучу я.

Он резко останавливается.

– У тебя мрачный юмор, да?

Это замечание заставляет меня вспомнить истерический смех, клочотавший в горле во время похорон Рейчел. Я закрывала лицо руками, чтобы сдержать его, а все думали, будто я рыдаю. Вот такая защитная реакция.

– Больше предпочитаю смеяться, чем плакать, – признаюсь. – Я слишком легко могу разрыдаться. Ненавижу эту свою черту.

Он садится на траву.

– Это неплохая философия: смеяться, а не плакать.

– Хотела бы я лучше контролировать собственные слезы. Мучительно, когда ты в бешенстве, а все думают, что тебе грустно. – Я опускаюсь на землю рядом с ним, удивляясь, с чего это я ему все выкладываю. Замолкаю и слушаю, как трещат сверчки. Из дома слабо доносится музыка.

– У тебя есть имя? – поддразнивает он.

– Я Бэт.

Он проводит рукой по своим растрепанным волосам. Замечаю, как при этом играют его бицепсы. У него потрясающие, атлетические руки.

– Я Чейз. – Он кивает мне. – И я все еще считаю, что ты слишком хороша, чтобы сидеть тут со мной.

– Ну, ты меня силой не тащил, – напоминаю я. – Это намек на то, чтобы я ушла?

– Нет, мне бы этого не хотелось. – Он снова вздыхает, и под тонкой хлопковой футболкой проступает идеальный рельеф его тела.

Боже, он великолепен.

– Тут красиво, правда?

Я смотрю на ночное небо, а потом на запрокинутое лицо Чейза. За облаками едва можно разглядеть луну, не говоря уже о звездах.

– Да, наверное.

Он красив. Небо – не очень.

Парень усмехается.

– Даже если бы шел проливной дождь, я все равно был бы счастлив.

– Я – тоже. – Потому что я с тобой.

Давно я не чувствовала такой гармонии внутри себя. Ссора с матерью кажется давним дурным воспоминанием.

Одной рукой Чейз приминает траву между нами. Я придвигаю свою ближе, пока наши мизинцы не соприкасаются.

– У тебя такие длинные пальцы.

Он переводит взгляд на наши ладони.

– Может, это твои чересчур короткие?

– У меня стандартный размер руки.

– Давай посмотрим, – он накрывает мою ладонь своей, полностью пряча мои пальцы.

Сердце начинает бешено стучать, а во рту пересыхает.

– Хочешь меня поцеловать? – выпаливаю я.

Он улыбается.

– Думаю, да. Ты не против?

Я киваю.

– Давно я не целовался, – признается он.

Его откровенность застает меня врасплох.

– Я – тоже.

– Хорошо. – Он заправляет мне за ухо прядь волос и придвигается ближе. – Тогда мы оба можем облажаться. Скажешь мне, если я сделаю что-то не так?

Он касается ладонью моей щеки, нежно поглаживая ее. И наши губы медленно сближаются.

З

Чейз перекачивается на бок. Он тянется за чем-то к прикроватному столику в спальне, куда мы пришли. Слышу звук зажигалки. Запах дыма заполняет ноздри. Лежу, уставившись в потолок. Глубоко затянувшись, он перекачивается на спину. Чейз по грудь укрыт простыней.

Я успела одеться, после того как все закончилось. В голове мелькает столько мыслей, что я все не могу решить, как поступить дальше. Что я вообще наделала? Тело горит от стыда, а сердце колотится сильнее, чем басы, что все еще сотрясают дом.

Чейз еще раз затягивается. Он ведет себя так, будто то, что мы сейчас сделали, не бог весть как важно. Может, для него это действительно так. Он, наверное, постоянно занимается сексом с девушками на вечеринках.

Я не сказала ему, что девственница.

Я...

– Мне надо идти, – выпаливаю я, вскакивая с кровати.

Он молчит и даже не смотрит на меня. Я рада этому, потому что не очень-то хочу, чтоб он видел, как мне стыдно.

Когда поворачиваю дверную ручку, Чейз спрашивает:

– Где твой телефон?

Я поворачиваю голову, и наконец наши взгляды встречаются. По его лицу ничего невозможно понять. Грудь все еще блестит от пота, выступившего во время... Я отвожу взгляд.

– В сумочке, – бормочу я, – а что?

– Возьми его.

Я не в силах отказать этому парню. С трудом выуживаю мобильник из сумки и жду.

Он диктует номер.

Я смотрю на него, все еще чувствуя стыд. Мое тело реагирует на вид его обнаженного торса, несмотря на боль.

– Занеси номер в телефон, – голос у него грубый. – Напиши мне, когда доберешься до дома своей подруги. Хочу знать, что с тобой все в порядке.

Продолжаю глядеть на него.

– Бэт, – окликает он, и ко мне наконец возвращается дар речи.

– Повтори, пожалуйста, – шепчу я.

Он называет цифры, и я послушно вбиваю их в память телефона.

– Звони мне, если понадобится, – грубовато добавляет он.

Я киваю. Мы оба знаем, что, за исключением того сообщения, которое я отправлю ему из дома Скарлетт, я никогда, никогда, никогда не воспользуюсь этим номером снова.

Завтра мой первый учебный день последнего года в выпускном классе. Я должна ликовать: остался лишь год в родительском доме. Всего год до поступления в колледж, который я выбрала. Год до свободы от постоянного бдительного родительского контроля.

Взгляды родителей прикованы ко мне – в воздухе висит напряжение. Разочарование мамы смешивается с растерянностью и возмущением отца. Черная грозовая туча поднимается к потолку, словно дым от сгоревшей листвы.

Стараюсь вести себя нормально, будто вчера ночью не сделала ничего, о чем теперь жалею. Я заставляла себя не думать о Чейзе, но это так трудно. Когда мысли возвращаются снова, мне хочется плакать.

Вчера у меня впервые был секс. Я хотела его и наслаждалась им. Но очарование рассеялось так быстро. Восторг от того, что я делаю что-то новое, возбуждающее, мятежное, сменился глубоким стыдом. Мой первый раз случился с незнакомцем. Это была встреча на одну ночь. И что, черт побери, мне с этим делать? Не могу даже осмыслить это. Мне хотелось бы, чтобы родители прекратили пялиться на меня. Боюсь, что если они будут смотреть достаточно долго, то смогут прочесть мои мысли.

– Хорошо провела время у Скарлетт? – спрашивает мама, нарушая молчание.

Звук ее голоса пробуждает фантомную боль на щеке. Она ударила меня вчера, но ведет себя так, будто не помнит этого. Или, может, просто пытается забыть. Или надеется, что я забуду. Возможно.

– Лиззи, – повторяет она, – ты хорошо провела время?

– Ага. – Я сдвигаю тушеный кабачок на край тарелки. Скарлетт спала, когда я пробралась к ней. Утром мы едва перекинулись парой слов. Подруга все выпытывала у меня подробности о вечеринке, но я отвечала расплывчато: не хочу, чтобы Скарлетт знала, что я отдалась сексуальному незнакомцу на случайной вечеринке. Мне стыдно.

– Что вы делали?

Вилка замирает в моей руке. Такого рода вопросы задают, когда вас в чем-то подозревают и хотят поймать на лжи. В подобных случаях лучше говорить поменьше.

– Разное.

Стараюсь вести себя так, чтобы не выдать волнения и страха.

– Например? – Тон у мамы непринужденно-вызывающий.

– То же, что и всегда.

На несколько секунд наступает молчание, во время которого я понимаю, что они ждут признания. Я не отрываю взгляда от тарелки.

Следующие на очереди – грибы. Ненавижу их. Всегда ненавидела, и тем не менее мама продолжает их готовить. Грибы очень нравились Рейчел.

Слышу шуршание бумаги. Мельком замечаю что-то белое. Не хочу смотреть, но не могу удержаться.

– Ты знаешь, что это? – на этот раз вопрос задает папа.

Они разыгрывают обычный сценарий, с участием плохого и хорошего полицейского. Мама притворяется сочувствующей, но я не раскаиваюсь, и тогда вступает папа со своим строгим голосом и еще более строгими приказами.

– Нет. – По крайней мере, это правда.

– Это распечатка твоих СМС.

– Что? – с изумлением хватаю стопку бумаг и в полном недоумении пробегаю глазами по строчкам. То ли у меня галлюцинации, то ли я действительно читаю распечатку сообщений, которыми обменивалась со Скар, когда уезжала с

вечеринки.

217-555-2956: Как вечеринка? Ты в порядке?

217-555-5298: Я в порядке. Вечеринка – огонь. Еду домой на такси.

217-555-5298: Родители звонили?

217-555-2956: Нет.

217-555-5298: Хорошо. Прикрой меня, если позвонят.

217-555-5298: Вернулась. Все в порядке.

Меня охватывает ужас. Последнее я послала Чейзу. Я едва не плачу от облегчения, что не написала что-то более убийственное.

Листаю страницы дальше и вижу более ранние сообщения.

217-555-2956: Пойдем сегодня на вечеринку?

217-555-5298: Да-а-а.

217-555-2956: Что с родителями?

217-555-5298: Скажу, что у меня работа.

Страх, злость и растерянность переполняют меня. Даже не знаю, что сказать. И где-то на задворках сознания крутится лишь одна мысль: слава богу, что не написала Скарлетт о Чейзе, не призналась, что впервые занималась сексом, а Чейзу – о том, что случилось между нами. От одной мысли, что родители могли бы узнать все, прочитав эсэмэски, мне становится дурно.

– Поверить не могу, что вы шпионите за мной! – кричу я, бросая бумагу на стол. Непрошенные слезы собираются в уголках глаз. – У вас нет никакого права читать мои сообщения!

– Я плачу за твой телефон, – грохочет папа.

– Тогда я буду платить за него сама! – вскакиваю со стула и бросаюсь вон из кухни.

Папа хватает меня за руку.

– Сядь! Мы не закончили.

Всем своим видом он показывает, что мне лучше остаться – или он заставит меня силой. Он никогда не был таким жестким и суровым. До того как умерла Рейчел, с ним было весело. Он отпускал шутки, потому что ему нравилось, как мы стонем от смеха. А теперь я даже не уверена, что он помнит, как улыбаться.

Пытаюсь храбриться, но не выходит, и сажусь.

– Нас расстраивают не твои поступки, – говорит мама, – а твоя ложь. Мы просто не можем доверять тебе.

– Поэтому мы забираем у тебя машину, – добавляет папа.

– Мою машину? – я ошарашенно смотрю на них. Машина – единственный глоток свободы, который у меня остался. Они отдали мне старый мамин хэтчбэк, когда я получила права. Родители решили, что для меня будет безопаснее сидеть за рулем, чем переходить оживленные улицы, стоять на остановках или ездить в автобусе. Рейчел шла по улице, когда ее убили. Теперь я не могу и пяти шагов пройти пешком.

Боже, как жалко это звучит. Ненавижу подобные чувства. Тем более что в глубине души знаю: родители – хорошие люди. Они просто не оправились от смерти Рейчел. Сомневаюсь, что они вообще когда-нибудь придут в себя. Для этого нужны годы терапии, от которой они отказываются. Однажды я предложила сходить к психологу. Мама сухо проинформировала меня, что все

скорбят по-разному, а потом встала и вышла из комнаты.

В своем бесконечном горе они мучают меня, и мне плохо. А теперь еще и забирают мою машину?

В машине я могу врубить любимую музыку, громко ругаться и озвучивать все свои внутренние монологи. Потерять ее будет ужасно.

Пытаюсь убедить их, что это неправильно.

– И как я должна теперь добираться до работы или до приюта для животных? – Последний год я дважды в месяц была волонтером в местном приюте. Из-за аллергии Рейчел мы не могли держать животных в доме. Теперь ее нет, но правило «никаких животных» все еще строго соблюдается. Так что волонтерство – единственный способ повозиться с собаками, которые, на мой взгляд, лучше людей.

Мама не смотрит мне в глаза. Папа откашливается.

– Ты не будешь никуда ездить. Мы сообщили твоему начальству в «Магазинчике мороженого» и Сэнди из приюта, что ты очень занята в школе и больше не будешь работать и заниматься волонтерством.

– Вы... – я делаю вдох, – уволили меня?

– Да.

Я так поражена, что у меня нет слов. Захлопываются двери, ведущие к моей и так ограниченной свободе. Нет машины. Хлоп. Нет работы. Хлоп. Нет волонтерства. Хлоп. Хлоп. Хлоп.

– Хотите сказать, что я буду ходить только в школу и назад, так? – Ком в горле заставляет говорить полупшепотом. Это мой выпускной год. Я ожидала, что мой мир станет больше, а никак не меньше.

– До тех пор пока не докажешь нам, что достойна нашего доверия, – да.

Я поворачиваюсь к маме.

– Ты не можешь согласиться с этим. Верю, ты понимаешь, что все это неправильно.

Она опускает глаза и не смотрит на меня.

– Если бы мы были строже раньше... – Она замолкает, но я знаю, что значит это «раньше». Наша жизнь четко поделена на «до смерти Рейчел» и «после смерти Рейчел».

– Марни, давай не будем об этом. – Папа теперь притворяется, что «до смерти Рейчел» ничего не было.

– Да, конечно. Мы делаем это потому, что любим тебя и не хотим повторения прошлого. Мы с папой обсудили...

– Это чушь собачья, – обрываю я ее и вскакиваю, отпрыгивая подальше от отца.

– Не разговаривай с нами таким тоном! – папа грозит мне пальцем.

На этот раз я не уступлю, потому что слишком зла, чтобы пугаться.

– Это чушь собачья, – без страха повторяю я. Слезы катятся и бесят меня, но я не могу остановиться.

– Это наказание за то, что я жива, а Рейчел мертва. Я, мать вашу, дожидаться не могу, когда свалю отсюда! И я не вернусь. Не вернусь!

Мама начинает рыдать. Папа орет. Я бегу в свою комнату и слышу, как за спиной кричат родители. Прыгаю по лестнице сразу через две ступеньки и хлопаю дверью. В моей комнате нет замка, но есть письменный стол. Я ломаю три ногтя и дважды ударяюсь коленом, но в конце концов поддвигаю его к двери. Как раз вовремя, потому что там уже стоит отец, пытаюсь ее открыть.

– Немедленно открой дверь, – требует он.

– Или что? – кричу я. Никогда раньше я не чувствовала себя такой беспомощной. – Накажешь меня? Вы отняли у меня работу, машину, личную жизнь. Я не могу позвонить или написать СМС, чтобы вы не узнали. Даже дышать не могу без вашего ведома. Вам больше нечем меня наказать.

– Мы делаем это ради тебя, – мама взывает к моему благоразумию, – не наказываем тебя из-за твоей сестры... – она даже не может произнести имя Рейчел, – а пытаемся помочь тебе. Мы так тебя любим, Лиззи. Мы... – ее голос дрогнул, – не хотим потерять тебя.

Я ложусь на кровать и закрываюсь подушкой. Знать не хочу, что они скажут. Их поступкам нет оправданий. Я бы не таилась, если бы они дали мне немного свободы. Родители Скарлетт не ограничивают ее, и она никогда ничего не скрывает. Если она идет на вечеринку, то говорит им. Если напивается, то звонит им, и они приезжают за ней. А напивается она редко, потому что ей позволяют время от времени выпить пива или бокал вина. Из-за родителей я такая. Они сделали из меня девушку, которая не слушается их, таится, врет, нарушает обещания и отдает свою девственность незнакомцу.

Я зарываюсь лицом в подушку, когда меня охватывает горячий стыд. Ненавижу их. Ненавижу Рейчел. А больше всего ненавижу себя.

Из-за меня милые животные в приюте будут страдать. Кто будет выводить собак на прогулку? Кто будет давать Опи лекарства? Я единственная, кто может управиться с Ротти. Всех остальных в приюте он ненавидит. А Джордж, змея? Санитары боятся питона.

От этих мыслей меня отвлекают лязг металла и жужжание дрели. Я сажусь и оглядываюсь в поисках источника этого шума.

Мы с отцом встречаемся взглядами. В руках он держит дверь. Прежде чем уйти, он хмуро смотрит на меня. Я таращусь в открытый дверной проем. Он снял дверь в мою комнату с петель. Он, мать его, снял дверь!

Я вскакиваю и подбегаю к столу, который все еще стоит в проходе.

– Что вы делаете? – беспомощно спрашиваю я.

В коридоре появляется мама.

– Дорогая, прошу.

– Ты серьезно? – продолжаю я, все еще не веря, что двери нет. Но пустые петли висят насмешливым доказательством.

– Это лишь временно, – говорит она.

– Будет постоянно, если ее поведение не исправится, – кричит папа.

– Мама, мне семнадцать, и мне нужна дверь в спальню. – Я не могу поверить, что голос у меня так спокоен. – Даже у заключенных есть дверь!

Она снова опускает взгляд в пол.

– Это лишь временно, – повторяет она. – Пока мы опять не начнем доверять тебе.

Я отстраняюсь.

– Поверить не могу. Я, мать вашу, не могу в это поверить.

– Не ругайся, – рявкает она. – Ты знаешь, как мне это не нравится.

– Верно, потому что Рейчел никогда не ругалась.

– Речь не о Рейчел.

– Конечно, о ней. Все в моей жизни связано с Рейчел. Вы разрешали сестре делать все, что она хотела. Она не следовала никаким правилам, и это ударило по вам. Со мной вы теперь ведете себя с точностью до наоборот, – выпаливаю я. – Вы держали меня на коротком поводке, с тех пор как она умерла, а теперь ошейник такой тугой, что скоро задушит меня до смерти!

– Не говори так, – мамины глаза опасно блестят. Она приближается и останавливается лишь у стола. – Не смей так говорить!

– А то что? – с вызовом бросаю я. – Ты меня снова ударишь?

Она мрачнеет.

– Извини, что я сделала это, – шепчет она. – Я...

– Что происходит? – Папа вернулся. Он смотрит на меня, потом на маму.

– Ничего, – одновременно отвечаем мы.

Затем замолкаем, потому что добавить нечего. Мы уже достаточно ранили друг друга. Я возвращаюсь на кровать, закрываю глаза и игнорирую звуки за спиной. Пыхтение отца, отодвигающего стол из прохода, и хныканье матери, переживающей, что наш дом превратился в поле боя.

Такова теперь моя жизнь. Я – заключенная в собственном доме, без личной жизни и без возможности бежать. До окончания школы еще вечность.

5

В автобусе воняет потом и обстановка очень нервная. Младшие классы жмутся в передней части, но их страх ощутим даже в задних рядах. Рядом со мной Сара Бантинг болтает о своем новом маникюре и «пипец каких крутых» конверсах, которые она купила в магазине премиум-класса в Розмонте.

Я делаю музыку еще громче и падаю на сиденье. Мне семнадцать, у меня есть права и собственная машина, а я езжу на автобусе. Какое падение.

Стараюсь смотреть в пол, когда иду к своему шкафчику в крыле для старшеклассников, и ни с кем не здороваюсь. То ли из-за выражения моего лица, то ли еще почему, но меня никто не трогает.

Набираю комбинацию цифр на замке, открываю шкафчик и ставлю рюкзак внутрь. Первый урок – расчет кредиторских задолженностей. Ура. По крайней

мере, не будет длинных лекций, всего лишь несколько практических задач. Я беру все необходимое для следующих трех уроков и с грохотом закрываю дверцу. С удивлением смотрю на Скарлетт и бормочу: оно очень удивляет меня.

– Привет.

– Мне жаль. – Она выглядит искренне расстроенной.

Первое, что я сделала утром, – написала ей в мессенджер и сообщила, что спалилась. Учítывая, что у моих родителей были доказательства наших более ранних побегов на вечеринки, я обязана была предупредить ее. Вдруг они настучат на нас ее родителям?

– Забудь. – Ее вины в этом нет.

– Становится все хуже и хуже? – Она вздыхает. – Тебе жутко не везет: сперва родители и СМС-разоблачение, а теперь это.

Видимо, она говорит о домашнем аресте.

– Они и телефон у меня отобрали, – мрачно отвечаю я.

– О, ясно. Значит вот почему ты не отвечала на миллион эсэмэсок, которые я послала тебе прошлой ночью.

– Ага.

Она сочувственно цокает языком.

– Не знаю, может, и хорошо, что теперь у тебя нет телефона. Представить не могу, что тебе сейчас пишут. Подростки могут быть такими тупыми.

Я чувствую приливший к щекам жар. С чего это кому-то писать мне? Кто-то видел меня на вечеринке? Они знают, что произошло между мной и Чейзом? Знают, что творится у меня дома? Неужели родители рассказали, что сняли дверь в мою комнату? Боже, этот год станет лишь чередой следующих друг за другом унижений, и все благодаря папе и маме.

– Мне все равно, – стараюсь, чтобы голос звучал как можно безразличнее. – Неважно, кто и о чем думает. Через год мы, скорее всего, не увидим больше половины тех, кто здесь учится.

– Боже, надеюсь на это. – Скарлетт кивает на мои книги. – Давай понесу.

– Зачем? Могу и сама.

– Знаю, что можешь. Я просто... Забудь. – Она берет меня под руку. – Пойдем на расчет.

– Думаешь, это хорошая идея – ходить на расчет кредиторских задолженностей?

– Думаю, что это будет полезно, когда мы будем в колледже. Ты уже решила, куда подашь заявки осенью?

Настроение совсем сходит на нет, когда я вспоминаю о заявлениях, которые выкрала мама. А, ничего, я заполню новые и опять подам их! Проблема в том, что я не могу сделать это онлайн. Мне нужна кредитная карта, чтобы оплатить подачу заявки. Попробую отправить денежный перевод. Не знаю, справлюсь ли, но что-нибудь точно придумаю.

– Университеты Южной Калифорнии, Флориды, Майами и государственный в Сан-Диего, – перечисляю я вузы своей мечты. Точно не знаю, что именно хочу изучать, но, по крайней мере, уверена в том, где хочу учиться.

Скарлетт ухмыляется.

– Хм-м-м. Чувствую пляжную тематику.

– Ты такая умная, Скар.

– Знаю, но ты ведь не хочешь и в самом деле уехать так далеко? Я буду по тебе скучать.

Дальше наш разговор обрывается, потому что я замечаю высокую фигуру в конце коридора. Я бы не обратила на нее внимания, если бы все вокруг вдруг разом не стихли. Когда вижу знакомый взгляд темно-синих глаз, сердце начинает биться быстрее. О боже. О боже! Что он тут делает?

– Что он тут делает? – говорю я раньше, чем успеваю прикусить язык.

Дерьмо. Теперь Скарлетт будет спрашивать, откуда я его знаю. Мне придется признаться, что я познакомилась с ним на вечеринке, и она все поймет. Может, кто-то видел нас с Чейзом вместе и рассказал всем, и Скарлетт уже знает? Как бы там ни было, не могу скрыть своего смущения.

Скарлетт следит за моим взглядом.

– И правда. Что за выдержка у этого парня! Показываться тут. – Подруга делает шаг вперед и поворачивается, пытаюсь загородить собой Чейза. – Поверить не могу, что они не отправили его в другую школу. Уверена: это потому, что его мать теперь – жена мэра. – Она вздыхает. – Фаворитизм так отвратителен.

– Он – пасынок мэра? – недоуменно спрашиваю я.

– Я тоже не знала до сегодняшнего утра. Венди Влат сказала, что его мать тайком много лет встречалась с мэром и этой весной они оформили брак. Не думаю, что кто-нибудь голосовал бы за него, если бы знал правду.

– Правду? – я в замешательстве.

Скарлетт сочувственно кривит губы.

– Понимаю. Ты не хочешь говорить об этом. – Она бросает взгляд через плечо, проверить, там ли еще Чейз. – Странно. Я даже не узнала его. Он выглядит совершенно иначе, но шрам невозможно перепутать ни с чем.

Я в полнейшем недоумении: почему Скарлетт его узнала? Ее даже не было на вечеринке.

Я оборачиваюсь и пялюсь на него. Он выглядит так же, как и в субботу вечером: умопомрачительно привлекательно. Сегодня его подбородок чисто выбрит, русые волосы спадают вперед, почти закрывая шрам, рассекающий бровь. Я целовала этот шрам несколько раз той ночью.

Жар смущения вновь наполняет меня. Поверить не могу, что прямо сейчас он стоит в десяти футах от меня. Я думала, что никогда его больше не увижу. Столкнуться с ним лицом к лицу после того, что мы сделали, просто ужасно.

Наши взгляды встречаются. У меня перехватывает дыхание. Скарлетт говорит что-то, но я не могу расслышать ее, потому что пытаюсь скрыть свои эмоции, но ничего не получается.

– Ну же, – говорит она. – Просто игнорируй его. Он не стоит твоего времени.

Откуда она знает?

– У него что, дурная репутация? – сипло спрашиваю я, потому что мне вдруг кажется, что такое вполне может быть. Если Чейз – известный ходок, то он мог хвастаться проведенной со мной ночью всем и каждому. Дарлинг и Лексингтон – соседние города, и слухи разносятся быстро, если их распространяют заинтересованные люди.

– Хочешь спросить, все ли про него знают?

Я киваю, не глядя на подругу.

– Конечно, все. – Она с отвращением фыркает. – О, а вот и Джефф.

Над плечом Чейза появляется темная голова Джеффа Корзена. Я не слишком удивлена, увидев его. Слышала, что он возвращается в Дарлинг. После смерти Рейчел Джефф сломался: едва окончил второй курс, а потом исчез на два с лишним года. Скорбеть, как сказали его родители. Они отправили его в Англию, к бабушке и дедушке, но, очевидно, ему там надоело и он вернулся в старшую школу Дарлинга. Странно, что бойфренд моей сестры, который старше меня на два года, теперь учится вместе со мной.

В желтой толстовке и линялых джинсах, Джефф протискивается вперед, намеренно толкая плечом Чейза. Тот отводит взгляд в сторону, поджимая губы, а я напрягаюсь, предчувствуя столкновение. Но парень просто отворачивается в сторону, игнорируя оскорбление. Его ничто не волнует: ни вид случайной подружки в конце коридора, ни то, что его толкнул другой парень, ни любопытные взгляды и молчание одноклассников. Я страшно завидую его хладнокровию. Именно это в первую очередь привлекло меня. В нем есть уверенность. Кажется, может разразиться ураган, а он все так же будет стоять в коридоре, не шевеля ни единым мускулом. Ручаюсь, родители Чейза не осмелятся снять дверь в его спальню.

Шум отвлекает меня от мыслей. Появление Джеффа нарушает тишину, вызванную появлением Чейза. Несколько ребят смеются. Другие спешат поздороваться с Джеффом. Он был популярен, до того как уехал. Они с Рейчел считались золотой парой. Если бы она дожила до выпускного класса, они были бы королем и королевой выпускного бала.

Если бы она дожила... Мое сердце сжимается. Не хочу думать об этом. Вместо этого пытаюсь представить, что чувствовала Рейчел, чей парень ее так любил, что переехал в другую страну, чтобы оправиться от ее смерти. Неужели он любил ее больше, чем я? Родители считают, что моя любовь была недостаточно крепкая, что я не скорблю, как должна. Если бы скорбела, они бы считали меня хорошей. Но я действительно ее любила. Между нами была разница в два года, но она никогда не обращалась со мной как с непослушной младшей сестрой, даже когда перешла в старшие классы, а я оставалась в средних. Мы помогали друг другу с домашней работой, играли в волейбол, устраивали пижамные вечеринки в нашей комнате. Она была моей старшей сестрой. Конечно же, я любила ее.

Я снова глубоко вздыхаю. Забыть это. В отличие от моих родителей, я не позволяю себе заикливаться на смерти Рейчел. Просто не могу.

– Привет, Лиззи, – говорит Джефф, подходя ко мне. Рукой с длинными, изящными пальцами, которые порхали когда-то над клавишами рояля, он тянется и хватает меня за ухо. – Давно не виделись.

– Бэт. – При виде его озадаченного лица я повторяю: – Бэт. Я больше не отзываюсь на имя Лиззи.

– Ладно. Пусть будет Бэт. Как дела?

– Привет, Джефф! – щебечет рядом Скарлетт, не давая мне ответить.

– Скарлетт, – произносит он как-то иначе, с акцентом.

Скарлетт замечает это.

– О боже. Ты вернулся с акцентом. Это так круто.

– Правда? – Джефф склоняет голову набок. За его спиной я снова замечая Чейза. Дверца шкафчика почти полностью скрывает его лицо, но я знаю, что это он. Я бы узнала его даже с завязанными глазами.

Почему я стыжусь того, что произошло? Это был мой выбор. Я хотела этого. Чего стоит стыдиться, так это того, что убегая словно напуганная девчонка. Но ничего не могу с этим поделать.

Я никогда не относилась к девушкам, которые представляют свой первый раз со свечами и розовыми лепестками. Но, по крайней мере, надеялась, что сперва буду встречаться с парнем, целоваться под луной, страстно обниматься, долго ходить вокруг да около, пока в конце концов мы не решимся на последний шаг. Точно знаю одно: не могу позволить ему или кому-то еще понять, что чувствую. Уверенность в себе – вот чего не отнять у Чейза. Я тоже так хочу.

– Рада тебя видеть, Джефф, – говорю я, а потом делаю несколько шагов вперед, в направлении Чейза.

– Стой... – Скар ловит меня за руку. – Ты и правда думаешь, что это хорошая идея?

– Почему нет? – пожимаю плечами. – Он, очевидно, учится тут. Уж лучше я встречу с ним лицом к лицу, вместо того чтобы прятаться от него следующих девять месяцев.

– Тебе нет нужды разговаривать с ним, – говорит Джефф. – Мы будем держать его подальше. – Он смотрит через плечо в сторону Чейза, который уже забрал

книги и ушел.

Да, у Чейза точно подмочена репутация. Даже Джефф, которого так давно не было, явно слышал, что произошло между мной и этим парнем. Значит, слухи разошлись. Злость вспыхивает внутри, когда я представляю себе, как Чейз хвастается всем этим ребятам из Лекса, что он чпокнул девчонку из Дарлинга.

Я прибавляю шаг и прохожу дальше по коридору, не спуская глаз со спины Чейза. Он – остров. Вокруг него в прямом смысле слова пустое пространство. Это удивительно, учитывая количество старшеклассников. В Дарлинге триста учеников старших классов. Коридоры этим утром забиты, но все же никто к нему даже близко не подходит. Твою ж мать. Мне это даже нравится.

Я иду быстрее, машу рукой одноклассникам, но не останавливаюсь, пока не нагоняю Чейза. Он стоит перед дверью в аудиторию, где будут проходить занятия по расчету кредиторских задолженностей. Как удобно.

Я прижимаю книги крепче к груди и прокашливаюсь.

– Чейз.

Он медленно поворачивается, и мы стоим лицом друг к другу.

– Бэт.

Несмотря на всю мою злость, мне нравится, что он назвал меня так. Он знает меня лишь по этому имени, мне не нужно напоминать ему, как теперь меня зовут.

– Кому ты рассказал? – прямо спрашиваю я.

Он хмурит лоб.

– Рассказал?

– Да, кому ты рассказал? – повторяю я, стараясь казаться более уверенной, чем на самом деле себя чувствую. Его присутствие туманит разум. – О субботней

ночи.

Вместо того чтобы вспылить или глупо посмотреть, он прямо встречает мой взгляд.

– Никому.

– Никому? – повторяю я все еще с подозрением.

– Да. Зачем мне кому-то рассказывать? – просто отвечает он.

По какой-то необъяснимой причине я ему верю. Должно быть, нас видел кто-то еще. Наверное, заметил, как я выходила из спальни. Эшли или хозяин дома. Кто бы он ни был, знаю, что это не Чейз.

– Тогда ладно, – киваю я.

В его взгляде появляется насмешка.

– Тогда ладно, – эхом повторяет он.

Злость исчезает, я отодвигаю его, открываю дверь в класс, потом тянусь назад и хватаю рукав расстегнутой джинсовой рубашки, втягивая внутрь.

– Не знаю, в курсе ли ты, но преподавательница в этом классе – настоящий монстр. По слухам, она работает допоздна, а выходные проводит, придумывая новые способы мучить нас. Все это не считая постоянных тестов и безжалостных экзаменов.

– Окей, – произносит он, кажется, с удивлением.

Заходят еще несколько учеников. Мейси Стэдман машет мне, пока не замечает Чейза. Ее ладонь опускается, а на лице появляется беспокойство.

– Лиззи, иди сюда.

– Лиззи? – спрашивает Чейз, и в его голосе звучит удивление.

– Бэт, – говорю я ему. – Элизабет Джонс.

Повисает долгая, напряженная пауза.

– Элизабет Джонс? – выдыхает он.

– Да. Но все зовут меня Бэт.

Он выдергивает свою ладонь. Моя рука безвольно падает. Я слегка вспыхиваю, смущенная тем, как внезапно он отшатывается от меня.

– Ты говорила мне свою фамилию той ночью? – Голос у него низкий и хриплый. Мне приходится сосредоточиться, чтобы расслышать его вопрос.

– Может быть. Нет. Наверное, нет. – Я понимаю, что тоже не знаю его фамилии. – А какая у тебя фамилия?

– Лиззи, мне нужно поговорить с тобой! – пронзительно кричит Мейси.

– Меня зовут Бэт, – отвечаю я сквозь стиснутые зубы. – И я подойду через секунду. – Я снова поворачиваюсь к Чейзу, лицо которого побелело как мел. – Назови свою фамилию, – повторяю я.

Он делает шаг назад, затем еще один, пока между нами не оказывается парта.

– Я Чарльз Доннели. Мне жаль.

После этого он выходит из класса.

Чарльз Доннели.

Мне становится плохо.

– Я думала, тебя зовут Чейз! – кричу я ему вслед.

Мейси появляется за плечом.

– Ты в порядке? Он тебя ударил?

Я перевожу на нее обезумевший взгляд, надеясь найти какую-то поддержку.

– Это был Чарльз Доннели?

– Ага, – она кивает и поглаживает меня по руке.

– Я не узнала его. – В голове туман. Я моргаю без остановки.

– Он сильно изменился. В тюрьме такое бывает, – она иронично кивает в сторону пустого дверного проема. – Идем, у тебя шок. Поверить не могу, что у вас с ним общие уроки. Администрация облажалась. Они такие некомпетентные. – Она ведет меня к парте рядом со своим местом. – Тебе принести воды? Или, может, кока-колы? Я сейчас вернусь.

Я едва замечаю, как она уходит, потому что мой мозг до сих пор обрабатывает информацию, что я переспала с Чарльзом Доннели, парнем, убившим мою сестру...

Я еле успеваю добежать до мусорной корзины, когда завтрак яростно рвется наружу.

6

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – Мейси, кажется, спрашивает уже в тысячный раз.

– Да, – отвечаю я как можно жизнерадостнее. В столовой стоит привычный гул голосов. Я спрашиваю себя, сколько из этих разговоров – обо мне. Когда я вошла, ко мне повернулась прорва голов.

– Ты не очень долго сидела у медсестры, – тихо говорит Скарлетт. – Я бы весь день пролежала там.

– Его даже быть тут не должно, – настаивает Мейси. – Почему он не в государственной Лексингтонской школе или не в Линкольне?

– Мэр живет в Грув-Хайтс, а это район школы Дарлинга, – подсказывает Ивонн, еще одна моя подруга.

Голос разума. Я с облегчением смотрю на нее. Она хмурится в ответ, как будто улыбки в такие моменты запрещены, и я снова перевожу взгляд на свой неаппетитный салат.

– Мэру следовало послать его в Лекс. Разве не там тусуются все преступники? – спрашивает Мейси.

– Там на парковке в прошлом году была огромная облава на наркоманов, – подтверждает Ивонн. – Половину отправили в колонию для несовершеннолетних.

– Как думаешь, Чарли сидел с кем-нибудь из них в одной камере? – голос Мейси звучит заговорщически.

– Вау... никогда об этом не думала, – отвечает Ивонн.

За столиком воцаряется тишина, пока они обдумывают это предположение. Я запихиваю в рот увядший листик салата и молю, чтобы мы сменили тему.

«Я Чарльз Доннели. Мне жаль».

Его слова все звучат в моей голове, и я не пытаюсь избавиться от них. Это как песня, засевшая в сознании. Ты заставляешь себя слушать ее сто раз подряд, пока тебя не начнет тошнить. Я же заставляю себя думать о словах Чейза... нет, Чарльза. О том, как побледнело его лицо, какое страдальческое выражение появилось на нем, когда он понял, кто я. Может быть, если думать об этом долго и настойчиво, я смогу спокойно осознать, что случилось.

– Хотя он... сексуальный, как вы думаете? – спрашивает Мейси тихим голосом.

Скарлетт возмущенно вздыхает.

– О боже, Мейси.

– Я просто утверждаю: он сексуальный, и вы все соврете, если будете это отрицать. – Надувшись, Мейси откидывается на спинку стула.

Я склоняюсь над салатом и надеюсь, что подруги не видят моих пылающих щек. В ночь субботы я думала, что он самый привлекательный парень, которого я видела. Я по-прежнему так считаю, но от этого только хуже. Кладу вилку и делаю глубокий вдох.

– Он не сексуальный. Он отвратительный. Он убил человека, – с отвращением говорит Ивонн.

– Не просто человека, – Скарлетт повышает голос. – Сестру Лиззи. Он убил сестру Лиззи.

Она говорит достаточно громко, и разговоры за соседними столиками стихают. Я хочу спрятаться под стол. Когда-то мне казалось, что мой худший день в школе был в третьем классе. Тогда Мишель Харви разлила мне на колени свой яблочный сок, а Колин Рили бегал и рассказывал всем, что я описалась. Потом поняла, что худшим стал день, когда проводили церемонию прощания с Рейчел. Я не плакала, и все смотрели на меня с подозрением: как будто я должна была свернуться в комок и стать ни к чему не способной.

Я стараюсь сменить тему.

– Так что там с домашкой по расчетам, трудная? – спрашиваю я Скарлетт.

К счастью, она моментально отвлекается.

– Нет. Она задала всего пять задач, и мы их все разбирали на уроке.

– Отлично.

– Хочешь, пройдемся по ним сегодня? – предлагает она. – Можем початиться онлайн.

– Нет. Думаю, займусь ими, как только приду домой, а потом завалюсь спать. У меня голова болит.

– Конечно, будет болеть, – щебечет Мейси. Она кладет мою голову себе на плечо. – И тебе стоит завтра остаться дома.

Я и останусь, если тут все будет продолжаться в том же духе.

* * *

Весь оставшийся день я ходила по школе как во сне. Слухи распространялись. Это напоминало первый день в старших классах, когда все шептались, прикрываясь ладонью: «Вон идет сестра убитой девушки».

Как только звенит звонок с последнего урока, я вставляю наушники и делаю музыку так громко, что ушам больно. Но не убираю звук и не снимаю наушники, пока автобус не подъезжает к остановке. Усталая, тащусь домой.

Там ждет мама. В выражении её лица и напряженной позе заметна озабоченность. Но меня этим не купишь. Трясущейся рукой я провожу по волосам.

– Как прошел день? – Она пытается взять у меня рюкзак.

Я отстраняюсь от нее и роняю рюкзак на свою полку шкафа в прихожей. Конечно же, на полках Рейчел пусто. Мама следит за этим, словно сестра однажды появится и ей понадобится место, куда поставить ботинки и повесить пальто.

– А ты как думаешь? – Тревога в ее взгляде подсказывает, что она слышала о появлении в школе Чарли Доннели. – Ты знала, что он будет ходить в старшую школу Дарлинга?

Она медлит лишь секунду, но мне все становится понятно.

– О боже, ты знала, – обвиняю я. Родители знали, что он снова в городе, и ни слова не сказали мне об этом?

– Прости. Когда медсестра позвонила и сообщила, что тебе плохо... Знаю, мы должны были предупредить тебя прошлым вечером. Просто это было... Мы были слишком... – Она замолкает, не в силах найти слова.

Я про себя заканчиваю за нее: «Знаю, мы должны были предупредить тебя, что парень, который три года назад сбил твою сестру, теперь ходит в твою школу. Но мы были слишком заняты снятием двери с твоей спальни».

Я не говорю это вслух, потому что устала от случившегося, от внимания, от жалости, от беспокойства. Я молча скидываю ботинки и протискиваюсь мимо. Мама уступает мне дорогу, но ее отчаяние преследует меня словно темное облако.

Я останавливаюсь у лестницы.

– Пустяки. Забудь об этом.

– Это вовсе не пустяки. Лиззи, мне жаль. Меня постоянно мучает беспокойство. Каждый раз, когда ты выходишь из дома, я думаю, что если... ты тоже пострадаешь. Я не могу допустить это.

Я взбегаю вверх по ступеням. Мне нужно попасть в свою комнату и оказаться подальше от матери. Добегаю до спальни и останавливаюсь в удивлении: совсем забыла, что они сняли дверь. Я оборачиваюсь и вижу маму прямо за спиной. Она смущена чувством вины и даже не может смотреть мне в глаза.

Я сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони, надеясь, что боль удержит меня от срыва, который закончится еще одним отвратительным скандалом. Чтобы этого не произошло, бегу вниз и направляюсь к задней двери.

– Куда ты идешь? – визжит мама в тревоге.

Вокруг дверной ручки видны черные отметины. Наверное, их оставил папа: его руки всегда в масле или грязи. Я потираю пальцем одну из отметин. Она не

исчезает.

– На улицу, – бормочу я. – На качели.

Не дожидаясь ее ответа, открываю дверь нараспашку и пулей вылетаю из дома. Осенний воздух прозрачен и свеж. Сухие листья, только начавшие опадать, шуршат под ногами, когда я бегу к веревочным качелям, висящим в углу нашего участка. Папа повесил их, когда Рейчел было восемь. Через неделю она сломала запястье, взбираясь на них. Мама плакала и умоляла папу снять качели, но, как ни странно, он этого не сделал. Зато мне целый год запрещали кататься на них одной. Мама считала, что это небезопасно. Но я ни разу не пострадала, качаясь на них. Спустя годы качели все такие же крепкие, как и тогда. Я сажусь. Осеннее солнце целует мое лицо. Я глубоко вздыхаю и отталкиваюсь носками. Хочу пережить смерть Рейчел, но в нашем доме, в нашем городе это невозможно.

Рейчел повсюду. Ее комната осталась в том же виде, какой была в ночь, когда она умерла. Мама только заправила постель. Сестра никогда не застилала кровать. Она вставала поздно, сбрасывала одеяло на пол и спешила в ванную, которую мы делили на двоих. Внизу, в прихожей, мама до сих пор пишет ее имя белым мелом над ее секцией шкафчика. Пианино, на котором играла только Рейчел, до сих пор стоит в нашей гостиной. Каждый божий день мама тщательно протирает его от пыли. Веревочные качели с деревянным сиденьем, которые папа сделал для Рейчел, до сих пор висят в нашем дворе, хотя никто ими не пользуется с тех пор, как она умерла. Волейбольная форма Рейчел по-прежнему висит на двери в ее комнате. Даже ее зубная щетка все еще стоит в стаканчике в ванной.

Однажды я спросила маму, почему. Она разрыдалась и на час заперлась в спальне. Все это время папа бросал на меня неодобрительные взгляды. Я никогда больше не спрашивала, но позже мама объяснила мне, что это для того, чтобы мы никогда не забывали. Забыть Рейчел? Как можно? Даже если уничтожить дом и все вещи, это невозможно. Но я не сказала ничего такого маме. Психолог, к которому родители отправили меня после смерти сестры, говорил, что все скорбят по-своему и нет неверных реакций. Но я не могу не сравнивать свою скорбь со скорбью мамы или папы, или, черт возьми, даже со скорбью ребят в школе. Все они ожидают от меня определенной реакции, но я просто хочу оставаться собой. Если бы только знать, кто я такая. Я пытаюсь это выяснить. Вот почему все время пробую новое. Я не вписываюсь в среду, которая

меня окружает. Ни одна из тусовок Дарлинга не кажется мне подходящей. Поэтому той ночью я поехала с Эшли. Поэтому переспала с Чейзом... нет, прошу прощения, с Чарли: думала, что узнаю о себе что-нибудь. И узнала, что делаю плохой выбор, когда дело доходит до парней.

Снова охватывает стыд. Я должна избавиться от него и позволить себе немного расслабиться. Заниматься сексом – не преступление. Мне семнадцать. Большинство моих подруг, включая Скарлетт, уже потеряли девственность. Мейси впервые занималась сексом, когда только перешла в старшую школу, Ивонн – в следующем году. Я ждала намного дольше, чем все мои одноклассницы.

Но если бы ситуация повторилась, я бы лучше развернулась и ушла. Разве нет?

Тру лицо ладонями и вдруг обращаю внимание на еле слышный скулеж. И в первый раз за последнее время начинаю искренне улыбаться. Спрыгиваю с качелей и иду к деревянному забору, который отделяет наш двор от территории Ренников. Между двумя планками забора торчит голова большой черной дворняги: пара пытливых карих глаз, влажный нос и слюнявый язык. Морган не может пролезть через дырку в заборе целиком. Хотя мне очень хочется носиться с ним по двору и получать его собачьи поцелуи. А еще лучше, чтобы все собаки в округе присоединились к нам: Морган, тьякающий терьер мистера Эдвардса и лабрадор Палмерсов. Это было бы в тысячу раз лучше, чем сидеть тут и думать, какая же я неудачница.

– Привет, приятель, – говорю я, опускаясь на колени, чтобы потрепать его по морде.

Пес лижет мне руку. Он, кажется, так счастлив видеть меня, что хочется заплакать. Иногда животные разбивают мне сердце: они любят нас так искренне и глубоко. Даже если мы не понимаем их (в приюте я встречала много таких, с которыми плохо обращались), они все равно хотят угодить нам. Это так трогательно.

– Как прошел твой день, милаха? – спрашиваю я его. – Гонялся за белками? Нашел какие-нибудь палки? Рассказывай все.

За спиной раздается мужской хохоток, и я быстро вскакиваю от неожиданности. Оборачиваясь, ожидаю увидеть его.

Только это не он.

Это Джефф.

7

– Привет, Лиззи, – Джефф улыбается мне, затем лохматой голове, что торчит из забора. – Милый песик.

– Это правда. А меня зовут Бэт, – привычно поправляю я.

Он криво ухмыляется.

– Точно, Бэт. Я забыл. Ты теперь совсем выросла. – Он протягивает руку и трогает мои волосы, как делал, когда мне было четырнадцать. Тогда я была влюблена в парня своей сестры.

Пытаюсь не покраснеть и не опозориться.

– Тебя долго не было, – говорю я, чтобы скрыть смущение, иду назад к веревочным качелям и плюхаюсь на деревянное сиденье.

Его кривая ухмылка превращается в полноценную улыбку. Он выглядит так же, как и два года назад, когда уезжал из Дарлинга. У него по-прежнему выдающийся подбородок и темные глаза с лучиками морщинок, появляющимися, когда он улыбается. Моя сестра считала, что он самый красивый парень в мире. И я не возражала.

– Два года, – подтверждает он. – Но Дарлинг совсем не изменился, правда? Те же магазины, улицы, люди.

– Ага.

– Мне это нравится, – он стряхивает с джинсов несуществующую пыль. – За океаном все было чужим, а Дарлинг все тот же. Вот почему мы всегда хотим вернуться домой, да?

– Да? У тебя появился акцент, – поддразниваю я.

Он хватается за веревку и осторожно качает меня вперед.

– Сложно не перенять акцент после двух лет пребывания. Но со временем он уйдет.

– Скучаешь по Англии? Иногда мне хочется туда поехать.

– Тебе хочется? – он коротко смеется. – Не думаю, что тебе там понравится. Ты создана для одноэтажной Америки, Лиззи. Она подходит тебе. Нет смысла уезжать куда-то отсюда. Тут есть все, что тебе нужно. Люди, которых ты любишь и которые любят тебя. Там никто по-настоящему тебя не поймет и не примет.

– Ужин! – кричит мама с заднего крыльца.

– Отлично. Умираю с голоду. – Джефф машет рукой моей маме, чтобы дать понять, что мы ее услышали. – Идем.

– Ты остаешься? – Я тянусь носками к земле, чтобы остановить качели.

– Да. Соскучился по ростбифу твоей мамы. Такого нет в Соединенном Королевстве. Мясо там другое, ты знала?

– А разве они не знамениты своими коровами? Я читала об этом где-то в Сети.

Он обнимает меня за плечи.

– Разве вас не учат в выпускном классе, что семьдесят пять процентов всего в интернете – мусор? Ты поверишь мне, своему старому другу Джеффри, или какой-то онлайн-газетенке?

– Тебе.

– И это правильно, – он сжимает меня в объятиях.

Его рука на плечах вызывает странные ощущения. Ее не должно быть там. Он – парень Рейчел. Это ее он должен обнимать.

Ужин не так ужасен, как я себе представляла. Родители любят Джеффа и в восторге оттого, что он снова за нашим столом.

– Как в старые времена, – вздыхает мама.

– Только лучше, потому что мы старше, Лиззи – красивее, а я занимаюсь бодибилдингом. – Джефф напрягает бицепс, и мама смеется над его шаловливыми выходками.

Папа бормочет что-то одобрительное.

– Как продажи в магазине? – спрашивает Джефф отца. – Я слышал, в Линкольне открывают «Домашние запасы». Вдруг появится конкуренция, а? – Линкольн – город в двадцати минутах езды к востоку от нас.

– Об этом уже много лет говорят, но до сих пор ничего не появилось. Даже если откроют, меня это не беспокоит. Крупные конторы не видят разницы между шестигранным ключом и крестовой отверткой. До тех пор пока они будут нанимать невежественных мальчишек, народ будет приходить ко мне.

Джефф и мой отец еще немного говорят о магазине, потом парень рассказывает о жилье бабушки и дедушки в Англии. Он называет квартиру апартаментами. Его акцент слегка беспокоит меня, только не могу понять, почему. Конечно, любой подцепит некоторые словечки и привычки, живя два года в другой стране.

Наверное, дело не в Джеффе. Просто я на пределе от всего, что случилось сегодня: оттого что увидела Чейза в школе, узнала, что он на самом деле Чарльз, Чарли, парень, на которого в моем доме смотрят как на преступника, убийцу.

«Я Чарльз Доннели. Мне жаль».

Пока я смотрю на свой ужин, размазывая по тарелке пюре, мои мысли далеко. Пытаюсь вспомнить, что мне известно о Чарли. День рождения у него летом, насколько помню. Его родители в разводе, и он приезжал к матери в Дарлинг на лето, а остальную часть года жил с отцом в Спрингфилде или Блумингтоне, или где-то там. Точно в городе, но не помню, в каком. Так мне рассказали родители. Никогда до прошлой субботы я не встречалась с Чарли лично.

Кладу в рот немного пюре и быстро глотаю.

Не думаю, что и Рейчел когда-либо встречалась с ним. Он был чужак, подросток, который приехал к матери на лето, украл машину, поехал кататься и сбил мою сестру.

Опять-таки, эти детали известны со слов родителей. Мне не разрешали читать газеты, после того как все случилось. Не было суда, шумихи в СМИ. Родители оградили меня от всего. Чарли пошел на сделку с обвинением, и его отправили в колонию для несовершеннолетних. Все было сделано очень красиво и аккуратно.

Только это разрушило нашу семью. И, какая ирония, не только Чарли попал в тюрьму. Я ехидно ухмыляюсь при этой мысли, и родители с Джеффом вопросительно смотрят на меня.

– О, прошу прощения, – бормочу я, опуская взгляд в тарелку. – Я просто думала... кое о чем забавном.

В голосе отца звучит неодобрение.

– Нет ничего смешного в том, что мы обсуждаем, Элизабет.

А что они обсуждают? Я совсем их не слушала. Когда я поднимаю взгляд, вижу три мрачных лица, уставившихся на меня.

– Как бы там ни было, – Джефф продолжает разговор с того места, на котором прервался, – я тоже не согласен с решением администрации разрешить ему ходить в старшую школу Дарлинга.

Сердце начинает биться сильнее. Они говорят о Чейзе.

Папа коротко кивает.

– Мы планируем озвучить это завтра на заседании школьного совета.

Я перевожу взгляд на отца.

– Зачем вы туда пойдете?

– Потому что это необходимо. Они должны знать, что мы не примем с благодарностью тот факт, что этот мальчик снова допущен в наше общество. И мне поф... плевать, – спешно поправляется он, – за кем сейчас замужем его мать. Он не должен ходить в школу вместе с моей дочерью, с моим... – голос отца становится громче, – выжившим ребенком!

Я морщусь. Вот как они думают обо мне? Как о «выжившем ребенке»?

Я отодвигаю стул.

– Я вас покину, – тихо бормочу я.

– Нет, – говорит отец, – у нас гость, Лиззи.

– Теперь ее зовут Бэт, – на этот раз поправляет Джефф.

Я смотрю на него благодарным взглядом.

– И я, наверное, пойду, – продолжает Джефф, хотя его тарелка пуста лишь наполовину. – У меня дома еще куча нераспакованных вещей.

– Передай маме, что я позвоню ей завтра, – говорит моя мама. – Я бы хотела встретиться с ней и с твоим отцом.

– Они бы тоже этого хотели. Может, устроим барбекю в выходные, пока погода хорошая? Как в старые времена, – говорит Джефф, подмигивая моей матери.

– Звучит чудесно. Лиззи, почему бы тебе не проводить Джеффа до двери? А затем можешь уйти в свою комнату.

Я благодарю Джеффа, когда мы останавливаемся в прихожей.

– Спасибо, что поддержал меня с именем. Они отказываются звать меня иначе, только Лиззи. И прости, если все выглядело так, будто я хотела сбежать от тебя. Я просто... не в настроении для семейных собраний.

Он кивает.

– Понимаю. У меня настроение стало хуже некуда, когда увидел в школе этого убийцу.

Во мне поднимается чувство вины. Вдруг я понимаю, что хочу только одного: чтобы никто на субботней вечеринке не видел, как я уходила с Чейзом в спальню и как мы выходили из комнаты несколько часов спустя в мятой одежде.

Этого никогда не было. Может быть, если повторять это снова и снова, я действительно смогу все забыть.

– Но ты не беспокойся, – голос у Джеффа становится зловеще низким. – Ему не сойдет с рук то, что он сделал с нами.

Я смотрю на него с опаской.

– Ты о чем?

– О том, что это ему с рук не сойдет. – Карие глаза сверкают, Джефф притягивает меня и крепко обнимает. – Он отнял самого дорогого человека в моей жизни, в наших жизнях. Поверь: он заплатит за это.

– Он уже заплатил, – отвечаю я, но голос у меня слабый и дрожит. Едва ли это может считаться веским возражением.

– Три года в колонии для несовершеннолетних? – выпаливает Джефф. Он все еще держит меня, и при каждом слове его горячее дыхание обжигает мою щеку. – Думаешь, три года стоят загубленной жизни? Он убил человека.

– Это был несчастный случай, – шепчу я. – Он не специально ее сбил.

– Но от этого она не станет живее, так ведь?

Яд в его голосе заставляет меня вздрогнуть. Нервно сглотнув, я высвобождаюсь из его объятий.

– Увидимся завтра в школе. Рада, что ты вернулся, Джефф.

Злость в его глазах затухает, уступая место проблеску удовольствия.

– Я тоже рад, что вернулся.

Я закрываю за ним дверь и спешу вверх, в свою комнату. Непривычное отсутствие двери снова выбивает меня из колеи. В знак протеста топаю громче обычного: моя комната находится как раз над столовой. Родители слышат мои рассерженные шаги, от которых содрогается потолок. Мысль об этом доставляет мне удовольствие.

Они забрали телефон, но у меня есть еще ноутбук и интернет. Возможно, они взломали компьютер и установили кучу шпионских программ, но мне все равно. Знаю, что они никогда не отнимут мой ноут. Он нужен мне для домашней работы, а школа очень важна для родителей.

Я сажусь на кровать и открываю поисковик. Довольно быстро нахожу всю информацию о Чейзе. Однако это немногим больше того, что уже знаю. Он

признал себя виновным в непреднамеренном убийстве и был приговорен к трем годам колонии для несовершеннолетних в Кевани. Поговаривали, что приговор суров, потому что в большинстве подобных случаев дают только условный срок. Чейз – я хочу сказать, Чарли – начал отбывать наказание, когда ему было шестнадцать. Значит, сейчас ему девятнадцать.

Единственная ценная информация, которую мне удастся найти, – это снимок. Все газеты печатали лишь одно фото Чарльза Доннели, и этот парень совсем непохож на того, которого я встретила на вечеринке. Неудивительно, что я не узнала его. Во время процесса он был с короткой стрижкой, черты лица были мягче, почти детские, без растительности на щеках. Губы казались пухлее, а сейчас они – одна тонкая, сжатая полоса.

Я дотрагиваюсь пальцами до экрана компьютера и провожу по губам Чарли на портрете. Сожалеет ли он о том, что сделал? Хотел бы никогда не красть ту машину, не превышать скорость, не сбивать мою старшую сестру?

Представляю себе эту ужасную картину, и мне становится плохо. Но это не значит, что я собираюсь занять оборону, вооружиться вилами и пойти к дому Чейза с воинственно настроенной толпой. Я хочу поговорить с ним. Если бы у меня был телефон, я бы знала его номер и... И что? Написала бы ему? Позвонила? Что, черт побери, я скажу парню, который сбил мою сестру?

Динь.

Со звоном всплывает окно чата. Это Скарлетт. Смотрю в открытый дверной проем. К счастью, родителей не видно. Убираю звук чата и читаю сообщение Скар.

Ты там, детка?

Да, – быстро печатаю ответ. – Родители не отняли ноут.

О, идеально! Это так же хорошо, как и эсэмэски.

Ага.

Не могу поверить, что твои родители не рассказали тебе о возвращении ЧД.

Они были слишком заняты снятием двери в мою комнату.

ЧТО? Ты же шутишь, да?

Вовсе нет. 1 сек.

Я поднимаю компьютер и разворачиваю его так, чтобы веб-камера смотрела на дверь. Делаю фото, загружаю его в чат и отсылаю. Ответ Скарлетт приходит быстро, она, как и ожидалось, шокирована.

О БОЖЕ! ОНИ НЕ МОГЛИ!

О, они смогли.

Я слышу мягкие шаги по лестнице и ругаюсь про себя. Прекрасно.

Должна бежать, – пишу я Скарлетт. – Скоро вернусь.

Я успеваю свернуть окно чата как раз в тот момент, когда мама появляется в дверях.

– Мы можем поговорить? – тихо спрашивает она.

– Я делаю уроки, – резко отвечаю я.

– Лиззи.

– Бэт.

Она вздыхает.

– Бэт.

Я сосредоточенно смотрю на экран. Мама не видит его и не знает, что я рассматриваю заставку, где изображены я, Скарлетт и Мейси на озере прошлым летом. Она не уходит. Мама стоит тихо, терпеливо выжидая. Наконец я выпускаю громкий стон и отвечаю:

– Ладно, говори.

Мама входит в комнату и садится в кресло у письменного стола. Я закрываю компьютер и жду.

Она начинает:

– Мы с твоим отцом обеспокоены...

Я не могу сдержаться:

– Что еще?

– Бэт, – говорит она с упреком.

– Прошу прощения.

– Мы обеспокоены тем, что этот мальчик может оскорбить или расстроить тебя в школе.

Я встречаю ее взгляд.

– С чего бы ему оскорблять меня?

– Потому что ты – напоминание о том, что он сделал с нашей семьей, с этим городом. Людям не нравится, когда им напоминают об ошибках. Иногда в ответ они становятся агрессивны. – Она поджимает губы. – Я не хочу, чтобы этот мальчик околачивался рядом с тобой, Лиз... Бэт.

Я немного смягчаюсь, потому что признательна маме за попытку звать меня Бэт. Она прилагает усилия. В отличие от отца, который не хочет даже пытаться.

– Мы с твоим отцом попробуем добиться, чтобы его убрали из вашей школы. Но мы не можем ручаться, что это получится.

Она ведет себя так, будто это я потребовала от них убрать Чарли из школы. Но это не так.

– Я не прошу вас ничего делать. Мне все равно, что он ходит со мной в одну школу.

– Да тебе стало плохо сегодня от одного его вида! – Мама явно поражена. – Он опасен для твоего душевного здоровья и самочувствия. Обещаю: мы сделаем все возможное. Но на случай нашей неудачи ты должна дать слово, что будешь держаться подальше от него.

У меня вырывается истерический смех. Черт возьми, слишком поздно, мама!

– Мы не позволим ему снова причинить вред тебе или нашей семье, – говорит она, и свирепость ее тона пугает. – Я не позволю ему. Он уже забрал у меня одну дочь, и... – ее голос срывается, и она делает глубокий вдох.

Боль в ее глазах подрывает мою решимость. Раньше мы были близки. В детстве она брала меня раз в месяц на прогулку. Только мы вдвоем. Думаю, этим мама хотела показать, что любит меня так же сильно, как и Рейчел. Хотя я знала, что Рейчел была ее номером один, но меня это не огорчало. Наверное, первенец – всегда самый любимый ребенок. По крайней мере, пока Рейчел была жива, у меня были нормальные родители. Сейчас мне этого не хватает.

– Он не причинит мне вреда, мама.

Кажется, она не слышит меня.

– То, что ты сказала вчера. О том... о том, что это тюрьма. – Она поднимает на меня взгляд: в нем столько страдания. – Этот дом – не тюрьма, Бэт. Это рай, единственное место, где ты по-настоящему в безопасности. Тут тебе ничто не грозит.

Я смотрю на нее. Да неужели? Меня уже ранят в этом доме. Они душат меня своими страхами. Сняли мою дверь, забрали телефон, а заодно – и личную жизнь.

Мама с ума сошла, если верит, что я чувствую себя тут в безопасности.

Она так же безумна, как и я, когда думаю, будто смогу притвориться, что не спала с парнем, который убил мою сестру.

8

На следующее утро возле шкафчиков меня поджидают Скарлетт и Джефф. Скарлетт тут же кладет руки мне на плечи и хнычет:

– Как плохо, что у тебя нет телефона.

– Я в курсе, – мрачно отвечаю я.

– Твой папа сказал, что отнял его потому, что ты сбежала на вечеринку, – начинает Джефф.

Я прищуриваюсь. Не помню, чтобы мы говорили об этом за ужином прошлым вечером.

– Когда он тебе это сказал?

– Сегодня утром. Я зашел перед школой в магазин, чтобы поздороваться.

Это откровение несколько беспокоит меня, но я не могу понять, почему. Когда Джефф встречался с Рейчел, он постоянно околачивался у нашего дома, практически жил там. С тех пор прошли годы, и Рейчел мертва. Внезапная близость с моей семьей выглядит странной.

– Где была эта вечеринка? – Джефф выпытывает детали. – Там были только вы со Скар?

– Я не ездила, – Скарлетт, предательница, отвечает ему. – Бэт поехала одна, с несколькими ребятами из лексингтонской старшей школы.

Я хмуро смотрю на нее, и она пожимает плечами, как будто говорит: «Я не знала, что это большая тайна».

– Ребята из Лексингтона? – переспрашивает Джефф с явным неодобрением. – Все они – полный отстой, Лиззи. Любой это знает.

– Не все они отстой, – говорю я в защиту Эшли, Харли и остальных, которые были со мной в субботу. – Я хорошо провела время.

– Да? И что ты там делала? – спрашивает он с подозрением. – Я слышал о всяких мерзостях, которые распространяют на этих вечеринках в Лексе.

– Ничего такого не заметила, – холодно отвечаю я.

– Надеюсь, что нет.

От осуждения во взгляде Джеффа меня корбит. Кто он такой, чтобы судить? Он меня даже не знает. В последний раз мы виделись, когда у меня во рту были брекетты, а на лице – прыщи. Думаю, тогда я даже еще ни с кем не целовалась.

– Как бы там ни было, я повеселилась, – говорю я Джеффу и Скарлетт, захлопываю шкафчик и закидываю рюкзак на плечо. – Мне пора идти. Хочу поговорить с преподавателем до звонка.

Я ухожу, не дав им ответить, спешно махнув рукой через плечо на прощание. Я действительно хочу прийти на занятие пораньше, но не для того, чтобы поговорить с учителем.

Сижу в засаде у двери класса. Ребята шастают туда-сюда мимо меня по коридору. Некоторые заходят в тот класс, который я сторожу, остальные идут в другие.

Где он?

От нетерпения я начинаю притопывать и теревить лямки рюкзака. Я оглядываю коридор в поисках его, пристально смотрю на всех парней, которые проходят мимо. Продолжаю ждать в коридоре даже после звонка, даже после того, как дверь в класс закрывается. И мое терпение вознаграждается.

Чарли Доннели появляется в конце коридора. На нем черные карго и черная же футболка. Он спешит и явно зол на себя за то, что опаздывает.

Когда парень замечает меня, останавливается как вкопанный.

– Твою мать, – бормочет он.

– Чейз, – неловко говорю я.

Делаю шаг вперед, и он очень быстро отступает в сторону, рукой пытаюсь нащупать дверную ручку.

– Мы опоздали на урок, – говорит он, и его тон так холоден и отчужден, что я хмурюсь. Парень даже не смотрит на меня.

– Мне все равно, что мы опоздали. Хочу поговорить с тобой.

– Мне нечего сказать, – бормочет он.

– Прошу, – умоляю я.

Я хватаю его за руку, прежде чем он успевает открыть дверь. Он морщится, как будто я обожгла его каленым железом. Мне становится больно от этого. Несколько дней назад он умолял меня прикоснуться к нему. Теперь, похоже, не выносит даже моего вида.

Почему, черт побери, это меня заботит? Волна гнева и самобичевания захлестывает меня. Этот парень сбил мою сестру и отправился за это в тюрьму. Меня вообще не должно заботить, что он не влюблен в меня.

– Ну, у меня есть что сказать, – четко произношу я. – И неважно, опоздаем ли мы на одну минуту или на пять... это все равно опоздание. Так что вполне можешь уделить мне несколько секунд своего драгоценного времени.

Он опускает руки и изо всех сил пытается не смотреть на меня. Синие глаза глядят поверх моей головы. Я чувствую себя глупо, разговаривая с его подбородком, но все равно делаю это.

– Ты теперь ходишь в нашу школу, – начинаю я.

– Ты меня спрашиваешь или информируешь? – его взгляд ненадолго встречается с моим и снова ускользает.

– Я констатирую факт. Ты теперь учишься тут. Я учусь тут. У нас одни уроки. – Я неловко показываю пальцем на дверь позади. – Так что... учитывая ситуацию, в которой мы оказались, думаю, нам следует... расставить все точки над «и».

Он смотрит на меня ошарашенно.

– Расставить точки? Я... – снова отводит взгляд. – Ты сестра Рейчел Джонс.

Сердце сжимается.

– Да.

– Нет никаких точек, чтоб расставлять, Элизабет.

– Меня зовут Бэт.

Он игнорирует меня.

– Отойди от двери.

– Нет. – Я упрямо расставляю ноги шире и скрещиваю руки на груди. – Ты не можешь притворяться, будто меня не существует и у нас не было се...

– Заткнись, – рычит он.

Я испуганно смотрю на него. Почти мгновенно его черты искажает боль.

– Извини, что рявкнул, – резко говорит он. – И прости за ту ночь... – Он замолкает, и я понимаю, что в его взгляде не совсем раскаяние. Это стыд. Он тоже стыдится того, что мы сделали.

– Ты жалеешь об этом? – бормочу я.

На этот раз он смотрит прямо на меня и не прячет глаза.

– Да.

Я не могу описать боль, накрывшую меня.

– Потому что я – ее сестра? – голос дрожит на каждом слове.

– Да, – снова повторяет Чейз.

Это заставляет меня задуматься.

– Но если бы я не была ее сестрой... – я прерывисто вздыхаю, – ты бы жалел об этом?

Он долго смотрит на меня своими пронзительно синими глазами, потом скользит взглядом ниже.

– Нет, – наконец признается он.

Моя очередь чувствовать стыд. Одно короткое слово – нет – приносит волну облегчения, вспышку счастья. Меня вот-вот стошнит от собственной реакции на этого парня.

Я неподвижно стою, Чейз аккуратно отодвигает меня в сторону, открывает дверь в класс и исчезает внутри, не сказав ни слова.

Я смотрю на широкую спину, пока он идет к своей парте. Он опускается на стул и смотрит перед собой.

Миссис Рассел говорит о математическом практикуме, необходимом для занятий, или сокращенно о МАПРе, который определит все наше обучение в этом семестре. Она замечает меня в дверях и чуть сжимает губы. Бросает взгляд на Чейза, потом на меня и спрашивает:

– Бэт, не хочешь ли сесть? Сзади есть пустое место, – то есть как можно дальше от Чейза.

Я тащусь в класс, стараясь не смотреть на него. Наш разговор получился слишком коротким. Я не все успела сказать ему. У нас с Чейзом остались незаконченные дела.

Смотрю на часы. Наш следующий совместный урок – история музыки. У меня есть два часа для составления плана. Вода камень точит. Берегись, Чейз. На тебя надвигается поток.

Последний раз я передавала записку в четвертом классе. В ней я спрашивала Скарлетт, хочет ли она научиться кататься на скейте. Я тогда увидела ролик на YouTube про каких-то девчонок из Афганистана, которые научились классно кататься, и хотела быть такой же крутой. Скарлетт ответила «нет».

«Мы должны поговорить. Жди меня у моего дома. В полночь, – пишу я, пока миссис Дворак говорит о композиторах, которых мы будем изучать на истории музыки. – Я выскользну из дома».

Затем стираю последнюю часть: ему не нужно знать такие подробности. Кроме того, это очевидно. Я сворачиваю лист из записной книжки и оглядываюсь назад. Он сидит через несколько рядов от меня и пристально смотрит в учебник. Как мне привлечь его внимание, не устраивая шоу?

Я слегка кашляю.

– Ты в порядке? – Скарлетт передает мне бутылку воды, но Чейз сидит не шевелясь.

Я отмахиваюсь от нее. Постучиваю карандашом по столу. Миссис Дворак замолкает на середине предложения. Я кладу карандаш. Все так же никакой реакции от парня в черном. Зачем он носит черное? Хочет заявить миру, что он плохой? У него есть судимость, и все это знают. Он мог бы каждый день ходить в белом, и половина учеников все равно предложила бы его на роль злодея в школьной постановке.

Я ерзаю на стуле, пытаюсь заставить его скрипеть.

– Мисс Джонс, вам нужно выйти? – спрашивает миссис Дворак.

– Нет, мэм.

– Тогда прошу вас не шуметь, хорошо?

Я едва не умираю от стыда.

– Да, мэм.

Мой взгляд снова обращен к Чейзу, только на этот раз слишком неосторожно. Миссис Дворак замечает его.

– Ах, – говорит она, сочувственно цокает языком и, постукивая пальцами по столу, зовет: – Мистер Доннели.

Он поднимает голову.

– Да, мэм?

– Прошу, выйдите в коридор. Вы отвлекаете класс. – Ее полное дружелюбное лицо становится холодным.

Что? Я выпрямляюсь и поднимаю руку, чтобы обозначить, что я в порядке. Несколько парней сзади фыркают и хихикают.

– Мистер Доннели, вы меня слышали?

Все теперь пялятся на него. Кто-то бросает в него смятый лист бумаги. Он не вздрагивает, но краснеет. Молча собирает книги и встает.

Шепот растет словно волна. Один из футболистов громко заявляет, что сегодня он будет убийцей. Весь класс раздражается смехом. Даже губы миссис Дворак кривятся.

Я с оцепенением смотрю, как идет Чейз. Мышцы одной руки напрягаются, когда он поворачивает дверную ручку.

Дверь мягко закрывается за ним, и этот звук кажется зловещим.

– Боже, поверить не могу, что ему разрешили ходить в эту школу, – говорит Скарлетт.

– Не знаю, почему он захотел учиться здесь, – отвечаю я. Несколько минут назад мне было стыдно, но любые мои чувства несравнимы с унижением Чейза.

Черт возьми, почему я ему сочувствую? Я должна ненавидеть его, как и все остальные. Мне должно быть дурно, оттого что позволила ему прикоснуться к себе. Хотя в таком случае я должна ненавидеть себя.

Я так расстроена, что не могу сдержать стон. Скарлетт встревоженно смотрит на меня.

– Ты в порядке?

Нет, я не в порядке. Совсем. Но я с трудом утвердительно киваю.

– Ты видела, как он вышел отсюда? Такой кураж и все такое. Будто гордится тем, что сделал. Это отвратительно. – Моя подруга кривит лицо, словно почувствовала, как пердит печально известный Аллин Тод[1 - Ведущий серии популярных подкастов.].

– Да, – слабо отзываюсь я. Казалось, ему плевать на всех: на других учеников, на учителя, даже на меня. В этом есть что-то интригующее. То, что привлекло меня в нем раньше, когда мы были еще подростками.

Миссис Дворак призывает класс к порядку и продолжает свою лекцию, но я не могу сосредоточиться. Разве я не должна чувствовать то же, что и Скарлетт, и злиться на этого парня, приходить в ужас, оттого что мы дышим с ним одним воздухом в одном классе? Что со мной не так, если я не чувствую всего этого? Почему мне кажется, что это у моих одноклассников и у миссис Дворак проблемы, а не у Чейза? Я почти ожидала, что весь класс поднимется и закричит «Позор», как в одном из кадров «Игры престолов». Все это кажется мне неправильным.

Со смерти Рейчел прошло три года, но никто не хочет, чтобы я забыла об этом.

После звонка остаюсь за своей партой, пока меня не замечает миссис Дворак.

– Я могу тебе помочь, Элизабет?

Собираю свои вещи и иду к доске.

– Насчет Чарли...

– Я не могу каждый день выставлять его из класса, – прерывает она. – Ты должна поговорить об этом с директором.

– Знаю. Я... На самом деле он меня не беспокоит.

– Тебе не нужно оправдываться. Я тоже не в восторге оттого, что мне приходится его учить.

Я привожу аргумент, на который она покупается.

– Моя семья верит в прощение, – лгу я. – Если жить по принципу «око за око», то весь мир ослепнет.

Лицо миссис Дворак смягчается.

– Это очень великодушно с вашей стороны. – Она склоняется и похлопывает меня по плечу. – Я сделаю, что смогу, чтоб избежать неприятностей. Полагаю, я сама могу попросить директора Гири перевести его в другой класс. Если ему нужны баллы по изящным искусствам, он может заняться чем-нибудь другим.

Она решила, что мои попытки все сгладить – завуалированная жалоба. Это удивляет меня.

– Он меня не отвлекает, – повторяю я.

– Не всегда стоит храбриться, Элизабет. Я посмотрю, что могу сделать, ладно? А теперь тебе лучше идти, чтобы не опоздать на следующий урок. – Она снова снисходительно похлопывает меня по плечу.

Расстроенная, я выхожу из класса миссис Дворак и отправляюсь на охоту за Чейзом, крепко сжимая в руке записку, которую ему написала. Конечно, он не спешит показываться на глаза. Я иду к шкафчикам. Там так много людей, что я не могу бросить записку в его шкафчик так, чтоб никто не заметил. Или могу? Кто сказал, что я не должна разговаривать с ним?

– Лиззи! Ты в порядке? – Мейси обнимает меня. – Я слышала, что этот... этот преступник доставал тебя на уроке по истории музыки. Как ужасно.

– Меня зовут Бэт, – бормочу я, но меня никто не слушает.

– Дай мне знать, если он будет к тебе приставать, и я проучу его, – говорит Трой Кендал, футболист, с которым я за всю жизнь и парой слов-то не перекинулась.

– Мы это сделаем по-любому, – заявляет другой качок.

– Скажи родителям, – шепчет рядом Ивонн. – Они с этим разберутся. И можешь написать что-нибудь в газету. Общественность тебя поддержит.

От этих разговоров к горлу подступает тошнота. Я сминаю бумажку в руке. Кто сказал, что мне нельзя разговаривать с ним?

Да все.

* * *

Автобус едет до моего дома сорок пять минут. Я его ненавижу всеми фибрами души. В нем пахнет прогорклой смесью пота, дешевого парфюма и мусора. Сиденья выглядят так, будто тысячи пятиклашек наплевали на них, а потом терлись своими грязными задницами по всей поверхности. И он адски тряский. К концу поездки мне просто дурно.

Дома никого нет. Мама – на работе, а папа – в магазине. Раньше я бы тоже была в «Магазинчике мороженого», но мне запретили работать. Потерять карманные деньги, которые я получала, ужасно. А мне надо как-то собрать сумму на отправку заявлений в колледж. Теперь я не могу заниматься волонтерством в приюте. Это совсем невыносимо. Я должна быть там в эти выходные, но мне запретили. Планирую поговорить об этом в пятницу. Может быть, мама с папой согласятся отпускать меня хотя бы на одну смену.

Бросаю свои вещи на полку в шкафу, не заботясь о том, что одна из тетрадей падает на половину Рейчел. В конце концов, ее нет. Если бы она была тут, наорала бы на меня.

«Хватить уже быть такой неряхой! – сказала бы она. – Тут два отделения: одно – для тебя, другое – для меня». После этого она бы сбросила мои вещи на пол.

Однажды, когда мы ехали в гости к бабушке, сестра не хотела ехать со мной на одном сиденье и заставила сесть на пол. Боже, Рейчел порой была такой вредной. Разве никто этого не помнит? Если спросить моих родителей, Рейчел говорила на языке единорогов и пукала бабочками. Она считалась идеальным, чудесным ангелом. Но это неправда. Иногда сестра была потрясающей, но порой – своенравной. У нее были недостатки, как и у всех.

Я брожу по дому и останавливаюсь у пианино. Декоративная пленка, которую Рейчел наклеила на дорогой инструмент, отстает по углам. Я отклеиваю одну полоску и с чувством вины смотрю на обнажившуюся черную клавишу. Мама заметит, что пленки нет. Однажды уборщики передвинули небольшой поднос с прикроватного столика в комнате Рейчел и оставили его на письменном столе. Мама больше часа орала на них по телефону. Больше они не трогают ее комнату. В ней убирается только мама. Я приклеиваю пленку на место.

Интересно, как родители узнают, что я дома? Мама обычно остается на работе до пяти. Она бухгалтер в агентстве недвижимости. Папа может вернуться в любой момент, если Кирк, его сотрудник, работает в этот день. Сегодня среда. Кирк не выходит по средам, а это значит, что папа пробудет в магазине до закрытия.

Четыре часа. Мама не вернется до начала шестого. Папа придет еще позже. Это дает мне примерно два часа, чтобы выследить Чейза. Его мать замужем за мэром, так что нетрудно узнать, где они живут. Если бы у меня был телефон, я бы просто позвонила ему, но...

Мне приходит идея. Я быстро бегу в кабинет папы и смотрю на его письменный стол. Мой телефон где-то в его недрах. Это единственный стол в доме, в котором ящики запираются. Если бы я отняла телефон, то хранила бы его тут.

Сажусь в кресло папы и дергаю ручку ящика. Конечно же, закрыт. Я вздыхаю и включаю его комп. Видео на YouTube дает мне достаточно подробную инструкцию, как взломать ящик. Удивительно, что можно сделать с помощью интернета. Я с удовлетворением смотрю на открытый ящик. Вытащив телефон, я баюкаю его в руках, словно драгоценного ребенка.

Номер Чейза в приложении для заметок. Сердце бьется сильнее, когда я открываю новое сообщение и быстро набираю текст.

Встретимся в полночь. Мой дом. На заднем дворе есть качели – буду ждать тебя там.

Посылаю ему адрес. Нервно барабаню пальцами по столу в ожидании. Оно длится и длится. Проходит тридцать минут. Он даже не прочитал это чертово сообщение.

В нетерпении я очищаю историю браузера на компе отца и захлопываю ящик. Телефон беру с собой. Успею положить его назад до того, как родители вернутся домой, но сейчас нет смысла спешить.

Иду в ванную, единственную комнату на втором этаже, где можно посидеть с закрытой дверью. Жду ответа Чейза. Через несколько невыносимых минут снова пишу ему.

Если ты не ответишь через пять минут, звоню тебе.

Тут же появляется ответ.

На работе. Прости, никаких встреч.

О нет. Он меня не отошьет.

Я с отчаянием смотрю на экран. Мы должны поговорить. Меня не колышет, что он не хочет... Мне это нужно. То, что мы сделали на вечеринке... Он единственный, кто знает об этом и с кем я могу это обсудить. Меня не интересует, что понадобится сделать, чтобы он поговорил со мной. Я готова на все.

И хотя мне становится дурно от этого, я заставляю себя написать три слова.

У меня задержка.

?

Месячные должны были начаться вчера.

Следует долгая пауза.

Увидимся в полночь.

Я чувствую вину за то, что обманываю его, но не столь большую, как оттого, что потеряла с ним свою девственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ведущий серии популярных подкастов.

Купить: https://tellnovel.com/uatt_erin/odna-malen-kaya-vesch

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)